

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₂₃₎

ОСЕНЬ — ЗИМА
2015

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

Ю.В. Болтач. Раздел «Хронология государей» сочинения
«Сохранившиеся сведения [о] Трех государствах»: у истоков корейской истории 5

ИССЛЕДОВАНИЯ

И.С. Гуревич. О некоторых понятиях и грамматических категориях текста на примерах из китайских источников III–X вв. 24

Е.П. Островская. Определение термина “abhidharma” в буддийском философском компендиуме «Абхидхармакоша» («Энциклопедия Абхидхармы») Васубандху 34

З.А. Юсупова. К истории курдской лексикографии: составление и публикация словарей 48

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О.М. Чунакова. Новый парфянский манихейский фрагмент 59

А.А. Базаров. Раздел Виная из коллекции буддийской схоластической литературы «Чойра» 65

М.В. Фионин. Перевод книги Псалтирь, выполненный А.Н. Муравьевым, из собрания ИВР РАН 74

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

Р.М. Булгаков, М.Н. Фархитов. Археографическая экспедиция АН СССР 1934 г. и письмо муфтия Ризаэддина бин Фахреддина 79

Т.В. Ермакова. Буддийская коллекция Индийского фонда ИВР РАН как источниковый ресурс исследований истории и культуры Южной и Юго-Восточной Азии 86

<i>В.П. Зайцев, А.А. Сизова.</i> Икона с изображением китайского буддийского пантеона из коллекции ИВР РАН	96
<i>К.Г. Маранджян.</i> Личная библиотека буддолога О.О. Розенберга	116
<i>Е.В. Танонова.</i> Востоковед Н.Д. Мионов: обычная судьба необычного человека	129
<i>В.В. Щеткин.</i> Японские рукописи и ксилографы, переданные в Азиатский музей из Императорского Русского географического общества в 1906 г.	157
<i>С.И. Марахонова.</i> Переписка японоведа Сергея Елисеева с Семинарием/Институтом им. Н.П. Кондакова в Праге в 1930–1932 гг. (по материалам архива Института истории искусств Академии наук Чешской Республики)	168

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>М.В. Фионин.</i> Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Клавдии Борисовны Старковой (Санкт-Петербург, 18 марта 2015 г.)	187
<i>В.П. Зайцев, А.А. Сизова.</i> Рабочее совещание Международного дуньхуанского проекта (IDP) 2015 (Турция, Стамбул, 24–25 апреля 2015 г.)	190
<i>М.М. Юнусов.</i> Международная научная конференция памяти Т.Л. Гуриной «Евреи Европы и Ближнего Востока: история, языки, традиция, культура, экономика» (Санкт-Петербург, 26 апреля 2015 г.)	195
<i>О.А. Воднева.</i> Востоковедение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). К 70-летию Великой Победы (Санкт-Петербург, 29 апреля 2015 г.)	202
<i>О.М. Чунакова.</i> Фрейманские чтения–2015 (Санкт-Петербург, 27 мая 2015 г.)	205
<i>А.А. Сизова.</i> Четвертые петербургские тибетологические чтения (Санкт-Петербург, 3 июня 2015 г.)	208
<i>О.А. Воднева.</i> Конференция «Традиции российского кавказоведения» (Санкт-Петербург, 8–9 июня 2015 г.)	211

РЕЦЕНЗИИ

Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Редактор-составитель Ю.Д. Михайлова. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. — 255 с. (<i>К.Г. Маранджян</i>)	217
На четвертой стороне обложки: Миниатюра из коллекции ИВР РАН. Средняя Азия, XIX в., шифр X-18, л. 8а	
Земля легенд. Курдская культура глазами российских исследователей. — М., 2014. — 250 с. (<i>Ю.А. Иоаннесян</i>)	219
Над номером работали:	
<i>Якерсон С.М.</i> Оцар Сефарад — Сефардская сокровищница. Сефардская книга X–XV вв. От рукописной к печатной традиции. Учебно-методическое пособие для студентов СПбГУ, обучающихся по направлению «Востоковедение и африканистика». — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. — 128 с., илл. (<i>Е.О. Шухман</i>)	222
Т.А. Анিকেева А.А. Ковалев О.В. Мажидова Р.И. Котова М.С. Унке О.В. Волкова И.И. Чернышева Е.А. Пронина	
<i>Шантидева.</i> Собрание практик (Шикшасамуччая). Пер. с тибетского А. Кугявичуса; науч. и общ. ред. А. Терентьев. — М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2014 (Наланда) — 536 с. (<i>С.Х. Шомахмадов</i>)	224
Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. <i>Т.В. Ермакова</i> . — СПб.: Издательство Александра Голода, 2014. — 524 с. (<i>Е.А. Десницкая</i>)	226
© Институт восточных рукописей РАН, 2015	

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts

Published under the supervision
of the Historical-Philological
Department of the Russian
Academy of Sciences

WRITTEN MONUMENTS OF THE ORIENT

2
(23)

autumn – winter
2015

Founded in 2004
Issued biannually

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

Yu. V. Boltach. Chapter “Chronology of Kings” from the Korean Buddhist Historical Book “Memorabilia of the Three Kingdoms”: At the Source of Korean History 5

RESEARCH WORKS

I. S. Gurevich. Text Linguistics: Certain Concepts and Grammar Categories (Based on the Chinese Works of the 3rd to 10th Centuries) 24

E. P. Ostrovskaya. Definition of the Term *Abhidharma* in the Compendium of Buddhist Philosophy *Abhidharmakośa* by Vasubandhu 34

Z. A. Yusupova. On the History of Kurdish Lexicography: the Compilation and Publication of Dictionaries 48

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

O. M. Chunakova. A New Parthian Manichaean Fragment 59

A. A. Bazarov. The Collection of Buddhist scholastic literature “Chos-grwa”: section “Vinaya” (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS) 65

M. V. Fionin. A Translation of the Book of Psalms Made by A. N. Muravyov in 1852 from the Collection of the IOM RAS 74

COLLECTIONS AND ARCHIVES

R. M. Bulgakov, M. N. Farkhshatov. The Archeographical Expedition of the USSR Academy of Sciences in 1934 and Mufti Ridaaddin bin Fakhraddin’s Letter 79

<i>T.V. Ermakova. The Buddhist Collection of the Indian Manuscript Depository of the IOM, RAS as an Informative Resource for Investigations of History and Culture of South and South-East Asia</i>	86
<i>V.P. Zaytsev, A.A. Sizova. Icon Depicting the Chinese Buddhist Pantheon from the Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences</i>	96
<i>K.G. Marandjian. The Library of Buddhologist O.O. Rozenberg</i>	116
<i>E.V. Tanonova. Orientalist Nikolai D. Mironov: The Ordinary Life of an Extraordinary Person</i>	129
<i>V.V. Shchepkin. Japanese Manuscripts and Woodblock-Printed Books Transferred to Asiatic Museum from Imperial Russian Geographic Society in 1906</i>	157
<i>S.I. Marakhonova. Correspondence of the Japanologist Serge Elisseeff with the Seminarium/Institute Kondakovianum in Prague in 1930–1932 (on the documents of the Archives of the Institute of the History of Arts, Czech Republican Academy of Sciences)</i>	168
ACADEMIC LIFE	
<i>M.V. Fionin. Conference dedicated to the 100th Birth Anniversary of Klavdiia Starkova (St. Petersburg, March, 18, 2015)</i>	187
<i>V.P. Zaytsev, A.A. Sizova. International Dunhuang Project (IDP) Business Meeting 2015 (Turkey, Istanbul, April 24–25, 2015)</i>	190
<i>M.M. Yunusov. Jews of Europe and Middle East: History, Languages, Traditions, Culture and Economy. International Academic Conference Proceedings in memory of T.L. Gurina. Saint-Petersburg Institute of Jewish Studies (St. Petersburg, April 26, 2015)</i>	195
<i>O.A. Vodneva. Conference to the 70th Anniversary of the Great Victory (St. Petersburg, April, 29, 2015)</i>	202
<i>O.M. Chunakova. Seminar of Iranian Studies “Freiman Readings” (St. Petersburg, May 27, 2015)</i>	205
<i>A.A. Sizova. Forth St. Petersburg seminar of Tibetan Studies (St. Petersburg, June, 3, 2015)</i>	208
<i>O.A. Vodneva. International conference “Traditions of the Caucasus Studies in Russia” (St. Petersburg, June, 8–9, 2015)</i>	211
REVIEWS	
<i>Japan and Russia. Constructing identity — imagi(ni)ng the other. Compiling editor Yu.D. Mikhailova. — St. Petersburg: “Peterburgskoie Vostokovedeniie” Publishing house, 2014. — 255 p. (K.G. Marandjian)</i>	217
<i>Storied Land. Kurdish culture through the eyes of Russian scholars. — Moscow, 2014. — 250 p. (Y.A. Ioannesyan)</i>	219
<i>Iakerson S.M. Ozar Sepharad: Sephardic Treasury. Sephardic Books from the 10th to the 15th Century. From Manuscripts to Printed Books. Manual for the Students of Hebrew Studies. — St.Petersburg: St.Petersburg State University Faculty of Philology, 2015. — 128 p., ill. (E.O. Shoukhman)</i>	222
<i>Shantideva. Collection of practices (Śikṣāsamuccaya). Tr. from Tib. by A. Kugiavichus; ed. A.Terentiev. — Moscow: fond “Sokhranim Tibet”, 2014. — 536 p. (S.Kh. Shomakhmadov)</i>	224
<i>Collected articles in memory of O.O. Rozenberg: Oriental Researches and Records. Ed.-compiler T.V. Ermakova. — St. Petersburg: Izdatelstvo A. Goloda, 2014. — 524 p. (Ye.A. Desnitskaya)</i>	226

Е.В. Танонова

Востоковед Н.Д. Миронов: обычная судьба необычного человека

В статье представлен максимально полный обзор малоизвестных фактов из биографии выдающегося индолога Н.Д. Миронова. Некоторые сведения были найдены автором статьи недавно и публикуются впервые. Н.Д. Миронов стоял у истоков российского тохароведения и изучения джайнизма, а его труды как каталогизатора индийских рукописей до сих пор остаются непревзойденными. Неожиданный факт его биографии, вскрывшийся совсем недавно, — служба в органах контрразведки Временного правительства. В истории жизни ученого отразилась история страны в период революционных событий, и судьба его подобна судьбе тысяч эмигрантов, вынужденных покинуть родину и бежать на чужбину.

Ключевые слова: Н.Д. Миронов, каталоги индийских коллекций Петербурга, Азиатский музей, тохарские рукописи, органы контрразведки при Временном правительстве, основание Иркутского университета, русская община в Тунисе.

Николай Дмитриевич Миронов прожил интересную, насыщенную событиями жизнь, при этом довольно типичную для современника, на долю которого выпали величайшие потрясения XX века. Николай Дмитриевич прошел через испытания властью, испил до дна горькую чашу участи эмигранта, человека без родины и средств к существованию, но через весь тернистый жизненный путь он пронес преданность науке и страстное желание заниматься научными изысканиями несмотря ни на что. Сведения о Миронове до недавнего времени носили отрывочный характер. Сравнительно хорошо был известен петербургский период биографии Николая Дмитриевича, связанный с кропотливой работой над каталогами индийских рукописей крупнейших рукописных хранилищ города — Азиатского музея и Публичной библиотеки. После 1917 г. след его совершенно теряется, известно лишь, что Миронов эмигрировал за пределы России и скончался в Тунисе в 1936 г. В конце 90 — начале 2000-х годов имя Н.Д. Миронова неожиданно появляется в работах историков контрразведывательных служб России. Однако авторы данных публикаций не выказывали интереса сторонам деятельности Миронова, не связанным с его службой в контрразведке, поэтому сам факт этой службы долгое время оставался неизвестным для исследователей. Первой серьезной работой стала книга специалиста-индолога А.А. Вигасина (Вигасин, 2008, с. 499–506), где часть главы «Эмигранты: Н.Д. Миронов и А.А. Сталь-Гольштейн» посвящена в основном научным достижениям ученого. Сотрудниками ИВР РАН опубликованы статьи, более полно раскрывающие разные стороны деятельности Миронова: так, автор данной статьи представила обзор малоизвестных фактов биографии ученого (Танонова, 2014), а Е.П. Островская сосредоточилась на работе Миронова в Азиатском музее по подготовке каталога индийской коллекции (Островская, 2015). За время, прошедшее с момента последней публикации, были собраны новые данные, касающиеся периода студенчества, службы в органах контрразведки, преподавания Миронова в Иркутском университете, его жизни в эмигра-

ции. Поэтому возникла необходимость свести все разрозненные сведения об этом ученом воедино, что привело к написанию данной статьи¹.

Николай Дмитриевич Миронов родился 19 (25) сентября 1880 г. в Дрездене. В копии Свидетельства о рождении, хранящейся в личном деле Миронова-студента (ЦГИА. Ф. 14. Д. 34956. Л. 4.), имеется такая запись: «У вдовы С.-Петербургского купеческого сына Дмитрия Гаврилова Миронова, Таисии Алексеевой, православной, незаконнорожденный сын Николай родился 13 сентября, а крещен 29 ноября 1880 г. Восприемниками были: кандидат прав СПб университета Петр Гаврилов Миронов и С.-Петербургская мещанка Екатерина Ильина Григорьева» (Там же)². Сведений об отце Миронова, Дмитрие Гавриловиче, обнаружить не удалось; как следует из Свидетельства, он скончался до рождения сына, который по этой причине был записан как незаконнорожденный. Весьма примечательна семья матери, Таисии Алексеевны, в девичестве Сушкиной. Сушкины — известный тульский купеческий род, его представители позже осели в Петербурге и Москве. Тульские Сушкины, купцы первой гильдии, потомственные почетные граждане, вели экспортную торговлю выбеленным воском и щетиной, которые они закупали на всех крупнейших ярмарках страны, фактически являясь экспортерами-монополистами. При таком объеме торговли род Сушкиных стал богатейшим в губернии и одним из самых состоятельных и влиятельных в Российской империи³. Но к 80-м годам XIX в. Сушкины обеднели, были признаны банкротами и даже на время высланы в Томск, где записались в мещане, а когда вернулись обратно в Тулу, с них были сняты все почетные звания. Вероятно, этим семейным банкротством объясняется тот факт, что Таисия Алексеевна, дочь петербургского купца 1-й гильдии Алексея Ивановича Сушкина, вопреки распространенному в те времена обычаю, приобрела специальность акушера и работала, как тогда говорили, «женщиной-врачом». Судя по сохранившимся документам, мать играла большую роль в жизни Николая Дмитриевича, была его верным помощником и опорой.

Николай Дмитриевич получил блестящее образование. В 1898 г. он закончил Первую Петербургскую гимназию, где проявил особую склонность к изучению классических языков и истории (АВ ИВР РАН. Ф. 40. Оп. 3. Ед.хр. 2)⁴, что и определило его научные интересы на всю жизнь. В том же году Миронов поступает в Императорский Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет (ЦГИА. Ф. 14. Д. 34956. Л. 2)⁵. За краткий период пребывания в университете — фактически один осенний семестр — студент Миронов записался на следующие курсы: «Древние авторы», «Практические занятия по древним языкам», «История древней философии», «Древняя история», «Средняя история», «История русской литературы», «Введение в языковедение», «Историческая энциклопедия», «Египтология», что полностью соответствовало его наклонностям.

¹ Выражаю огромную благодарность фотографу ИВР РАН С.Л. Шевельчинской, завкафедрой восточных языков МГЛУ ЕАЛИ Е.В. Кремневу, зав. Архивом ИГУ Г.И. Койковой, архивариусу Архива ИГУ О.К. Баклановой, ректору ИГУ проф. А.В. Аргучинцеву, начальнику отдела делопроизводства и контроля ИГУ А.В. Перепелице, без советов и помощи которых написание данной статьи было бы невозможным.

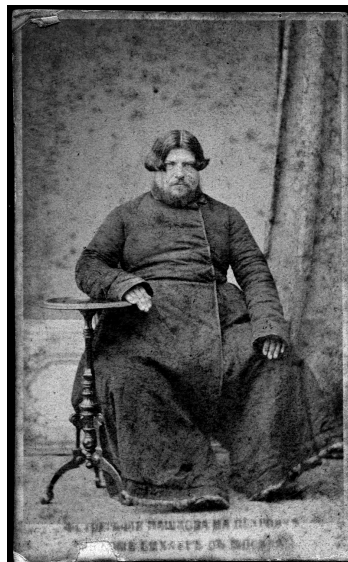
² Копия Свидетельства о рождении.

³ Подробнее о купцах Сушкиных см. [<http://www.histonow.ru/hisnows-591-1.html>].

Помимо торговли Сушкины широко занимались благотворительностью, строительством храмов, странноприимных домов и больниц. Двоюродным прадедом Н.Д. Миронова был архимандрит Макарий (Сушкин), настоятель знаменитого русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, который российские паломники называли «наш Афон».

⁴ Аттестат зрелости. Кроме того, из аттестата известно, что «поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ вполне достаточная, прилежание добросовестное».

⁵ Прощение о зачислении в Императорский С.-Петербургский университет.

Бабушка и дед Н.Д. Миронова по материнской линии,
Аполлинария Петровна и Алексей Иванович Сушкины

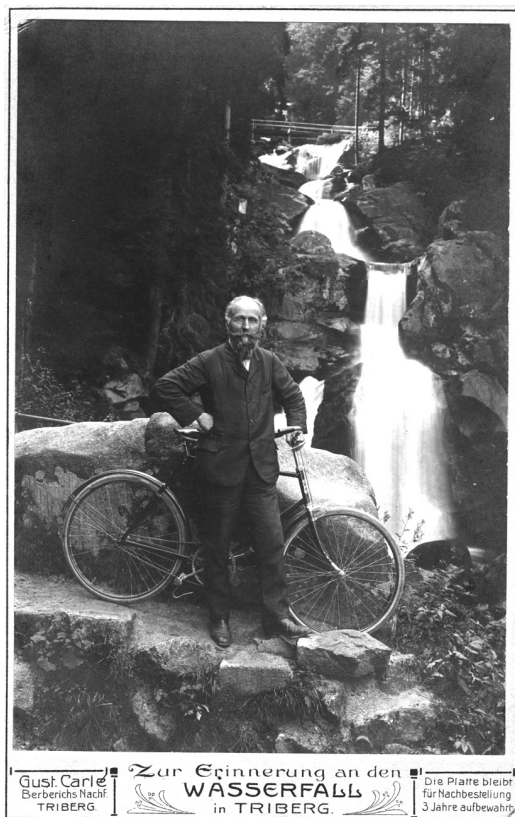
Н.Д. Миронов в студенческие годы

Стоит отметить то пристальное внимание, которое уделялось благонадежности и лояльности по отношению к власти каждого поступающего в университет. В список обязательных для приема документов входили: характеристика поведения с места последней учебы, «общественный приговор», где указывалась сословная принадлежность (Миронов был зарегистрирован состоящим в С.-Петербургском мещанском обществе), а также собственноручная расписка не вступать ни в какие тайные общества и не жертвовать на них средств (Там же. Л. 24.). Тем не менее все эти расписки не имели никакого значения для Миронова, поскольку уже на следующий год его задерживает полиция за организацию демонстрации, как тогда писали, «против университета» (Там же. Л. 20)⁶. При «вообще отличном» поведении во время учебы в гимназии Николай Дмитриевич, человек либеральных взглядов не только на словах, но и на деле, едва поступив в университет, принимает активное участие в студенческих волнениях 1899 г.⁷ В ходе февральских беспорядков было арестовано 78 наиболее активных студентов, среди них оказался и Миронов. Все задержанные были исключены (уволены) из университета, иногородние высланы из столицы, местные жители — задержаны и отданы на поруки. Но уже в марте всем уволенным было разрешено вернуться в университет. Об этом свидетельствует заявление уволенного студента Миронова с просьбой «*обратного принятия... в число студентов университета*» (Там же. Л. 15), датированное 20 марта 1899 г. Заявление сопровождается письменным обязательством «*вполне подчиняться установленным правилам*» (Там же. Л. 16). На протяжении стоит резолюция ректора «Восстановить». Однако уже 31 марта Миронов был задержан полицией как один из организаторов демонстрации против университета. Накануне толпа студентов окружила университет, пытаясь сорвать проведение экзаменов, проходивших в здании под охраной полиции. Протестующие были оцеплены полицией и развезены по участкам, часть из них была выслана из Петербурга. Уже 8 апреля студент 2-го семестра Миронов из Земской больницы г. Луга пишет прошение на имя ректора с просьбой об увольнении из числа студентов Петербургского университета (ЦГИА. Ф. 14. Д. 34956. Л. 21). Трудно сказать определенно, чем было вызвано такое решение; вероятно, полицейское преследование здесь сыграло не последнюю роль. Миронов решил продолжить учебу в одном из университетов Германии (Там же. Л. 12)⁸. Можно с большой долей вероятности предположить, что именно во времена бурной учебы в университете Н.Д. Миронов познакомился (и даже сдружился) с будущими лидерами революционного движения в России, в частности с Б.В. Савинковым (был уволен из университета в 1899 г.), которые еще сыграют свою роль в его жизни.

⁶ Приписка карандашом.

⁷ В феврале 1899 г. университет готовился отпраздновать свое 80-летие. В торжественном акте по этому случаю должен был выступить ректор В.И. Сергеевич. По традиции, на акте один из профессоров читал научный доклад. В тот день с речью «Действительно ли буддизм проникнут пессимизмом?» выступил С.Ф. Ольденбург. Опасаясь студенческих беспорядков накануне акта, ректор вывесил в университете «таксу за безобразия» — список штрафов и наказаний для нарушителей порядка. Тон ректорского обращения показался многим студентам оскорбительным, на торжественном акте 8 февраля они освистали Сергеевича, не позволив ему начать речь и вынудив уйти с кафедры. После бурного собрания в Белом зале университета толпа студентов собралась у Румянцевского сквера, где была разогнана конной полицией с применением нагаек, в ходе чего пострадали не только студенты, но и случайные прохожие. Эта расправа вызвала бурное возмущение всего студенческого сообщества и просвещенных интеллигентских кругов. Студенты объявили бойкот университету и перестали посещать занятия, причем их требования были поддержаны многими профессорами. Забастовка перекинулась на другие учебные заведения Петербурга, Москвы и всех крупных городов империи, в общей сложности в ней приняли участие 25 тыс. человек. Волнения продолжались в течение трех месяцев, их итогом стало исключение и высылка более трети студентов Петербургского университета (Ванновский, 1907).

⁸ Прощение о выдаче удостоверения о поведении за время пребывания в университете для поступления в одно из высших учебных учреждений Германии.

Профессор Э. Лейман

Осенью 1899 г. Николай Дмитриевич поступает на философский факультет Страсбургского университета, избрав для учебы, вопреки первоначальным планам, это французское образовательное учреждение. Финансовое положение семьи не позволяло студенту безбедно жить за границей в течение нескольких лет. Чтобы иметь профессию и средства к существованию, Миронов сдает экзамены на звание домашнего учителя. Как следует из полученного 25 сентября 1899 г. (АВ ИВР РАН. Ф. 40. Оп. 3. Ед.хр. 3)⁹ свидетельства, испытания были выдержаны с отличием, искомое звание с правом преподавания истории получено. Вместе с этим званием Миронову присваивается самый низший чин 14-го класса — коллежского регистратора. Уже 28 сентября Н.Д. Миронов поступает домашним учителем в дом профессора Тура в Страсбурге для воспитания и обучения его дочери.

В университете Страсбурга Миронов успешно учится под началом профессора Э. Леймана, который специализировался на литературе джайнизма и хотанских рукописях, и ираниста-компаративиста Г. Хюбшмана. С проф. Лейманом Миронов долгое время сохранял добрые отношения, в АВ ИВР РАН имеется разных лет переписка учителя и ученика. В Страсбурге с 1899 по 1901 г. Миронов занимается в основном индийской филологией, изучает пали, пракриты, санскритские буддийские тексты. Затем он едет в университет Берлина, потом Бонна, где тогда преподавали видней-

⁹ Свидетельство о присвоении звания домашнего учителя.

шие ученые-индологи своего времени. В 1901–1902 гг. в Берлине он слушает лекции ираниста, исследователя Авесты Карла Фридриха Гельднера (Geldner), авторитетного специалиста в области праkritской грамматики Рихарда Пишеля (Pischel), первого тохароведа Эмиля Зига (Sieg), а в 1902–1903 гг. в Бонне — профессора-санскриптолога Германа Георга Якоби. Ряд перечисленных наставников Миронова в конце XIX — начале XX в. разрабатывали совершенно новое направление в филологии — тохаристику. Известно, что приблизительно с 1893 по 1902 г. Лейман наряду с английским палеографом Н. Хернле занимался дешифровкой первой известной науке тохарской рукописи, переданной ему С.Ф. Ольденбургом¹⁰. Хернле издал частично верную транслитерацию этой рукописи, а Лейман произвел основательный анализ текста, выявив его метрическую структуру и общий смысл (основываясь на прочтении санскритских слов). Но оба исследователя не раскрыли фонетического значения знаков собственно тохарского письма, которые они называли «чужими знаками». К тому же, нужно было сформулировать методы установления значений слов. Эти две задачи были блестяще решены Э. Зигом и В. Зиглингом на материале берлинского собрания текстов на тохарском А и Б, тем самым был заложен фундамент тохарской филологии (Иванов, 2004, с. 379–380). Очевидно, интересы и изыскания преподавателей оказали определяющее влияние на формирование научных предпочтений молодого Миронова. Вероятно, не без влияния проф. Леймана, он обнаружил глубокий интерес к литературе джайнизма и в 1903 г. в Страсбурге защитил диссертацию на тему «Дхармапарикша Амигагати»¹¹, получив степень доктора философии (АВ ИВР РАН. Ф. 40. Оп. 3. Ед.хр. 5)¹². На сем закончив обучение в Европе, Миронов возвращается в Петербург, будучи, пожалуй, на тот момент единственным специалистом в области джайнизма в России.

Вернувшись на родину, молодой специалист сталкивается с проблемой поиска работы, удовлетворявшей его призванию. Для начала Миронов принимает решение получить отечественный диплом, которому, судя по официальным документам, отдавалось предпочтение перед дипломом иностранного учебного заведения¹³. Уже в октябре 1903 г. Миронов сдал экзамен на степень магистра санскритской словесности факультета восточных языков Императорского С.-Петербургского университета (ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9857. Л. 1). Однако ни одно академическое учреждение не могло предложить ему штатного места, поэтому Н.Д. Миронов был причислен к Министерству народного просвещения и откомандирован в Азиатский музей для выполнения четко определенной работы¹⁴. В статусе прикомандированного сотрудника он остается все время своей службы при Азиатском музее, т.е. без малого 15 лет. И судя по намекам, содержащимся в переписке того периода, этот статус тяготил честолю-

¹⁰ В 1892–1893 гг. С.Ф. Ольденбург опубликовал фотографии рукописи на языке, который позднее получил название тохарский В. Российский консул в Кашгаре Н.Ф. Петровский, уже долгое время собиравший свою коллекцию буддийских текстов, прислал С.Ф. Ольденбургу для ознакомления «листок, написанный на неизвестном языке»; этот рукописный лист академик сразу же опубликовал (Иванов, 2004, с. 379). Ольденбург предположил, что рукопись «заключает в себе новый, доселе не встречавшийся алфавит» (Ольденбург, 1892–1893, с. 81), и призвал исследователей заняться его изучением. Призыв сразу же был услышан и поддержан Хернле, чуть позже к нему присоединился и Лейман.

¹¹ «Дхармапарикша» — догматический джайнский трактат XI в., полемизирующий с индуизмом; второе по значимости произведение джайнского вероучителя Амигагати.

¹² Диплом о присуждении степени доктора философии.

¹³ Так, в документах хранящегося в ЦГИА д. 11250 «О допущении Н.Д. Миронова к чтению лекций в звании приват-доцента» (Ф. 14. Оп. 1) Миронов везде называется именно «магистрантом санскритской словесности», а не доктором философии, хотя звание доктора дает его обладателю более высокий статус.

¹⁴ Подробнее о работе Миронова над каталогом в Азиатском музее см. (Островская, 2015).

бивого Миронова, который имел все основания считать, что его многолетний труд по описанию индийской коллекции стоит зачисления в штат Музея.

Как следует из перечня научных трудов молодого ученого (см. Приложение), его исследования развивались в рамках четырех направлений: 1) каталогизация индийских коллекций; 2) работа над санскритскими буддийскими текстами для серии «*Bibliotheca Buddhica*»; 3) центральноазиатские штудии; 4) изучение памятников джайнской литературы.

Работа над каталогами собраний индийских рукописей в Петербурге потребовала от исследователя большого количества времени, затраченных усилий и стала значительной вехой в жизни Миронова. В конце 1903 г. директор Азиатского музея К.Г. Залеман поставил перед Н.Д. Мироновым задачу составить полный каталог коллекции индийских рукописей. Начался кропотливый труд по разбору, описанию и систематизации многоязыкой и разнописменной индийской коллекции Азиатского музея. Работа продвигалась очень медленно и требовала от исследователя максимального приложения имеющихся знаний и постоянного приобретения новых. К концу 1912 г. была завершена рукопись первого выпуска, посвященного санскритским манускриптам. В 1914 г., сразу после начала войны, данный том каталога наконец вышел из печати¹⁵. В предисловии Н.Д. Миронов писал: *«Чрезвычайные обстоятельства переживаемого времени задержали выход этого каталога, над которым мы работаем уже много лет. Едва ли удастся в ближайшем будущем довести его до конца. Поэтому нам и пришлось по указанию редактора, директора Азиатского музея академика К.Г. Залемана издать в свет настоящий первый выпуск каталога, содержащий описание важнейшей части собрания Музея — рукописей санскритских и палийских. Второй выпуск будет заключать описание рукописей на новоиндийских языках, как индоарийских, так и дравидских, индокитайских и пр., а также дополнение о некоторых санскритских рукописях, по разным причинам не вошедших в 1-й выпуск. Во втором выпуске — надеемся, что промежуток между которыми не будет слишком долг, — читатель найдет указатели, таблицу старых и новых номеров и пр., отсутствие которых весьма затрудняет пользование каталогом»* (Миронов, 1914, с. 01). К сожалению, второй выпуск каталога так и не увидел свет, но о том, что он готовился, свидетельствуют сохранившиеся в Отделе рукописей и документов ИВР РАН пять правленных корректурных листов с описаниями № 506–525. Эти листы содержат первичные определения рукописей неварского, сингальского, бирманского, кхмерского, тайского письма, сделанные Мироновым. Они были использованы В.С. Воробьевым-Десятовским для дальнейшей систематизации и отождествления рукописей фонда (Посова, Чижикова, 1999, с. 4–5). Стоит отметить также, что описание значительной части рукописей фонда на дравидийских языках и языках Юго-Восточной Азии и по сию пору остается делом будущего. В 1909 г. параллельно с работой в Азиатском музее Н.Д. Миронов по приглашению директора Публичной библиотеки Д.Ф. Кобеко описывает собрание индийских рукописей, переданных в библиотеку согласно завещанию И.П. Минаева. Этот труд также ограничился изданием только первого выпуска каталога, вышедшего в начале 1918 г.¹⁶

¹⁵ *Миронов Н.Д.* Каталог индийских рукописей. Пг., 1914.

¹⁶ *Миронов Н.Д.* Каталог индийских рукописей Российской публичной библиотеки. Собрание И.П. Минаева и некоторые другие. Вып. 1. Пг., 1918. Издание предваряет предисловие, по содержанию почти идентичное предисловию каталога Азиатского музея: *«Работа по составлению [...] шла с перерывами и не закончена и по сей день по обстоятельствам, почти совершенно от нас не зависящим. В настоящее время представляется уместным выпустить в свет давно отпечатанный I выпуск, обнимающий значительную часть собрания, а именно рукописи брахманские, джинистские (джайнские) и некоторые буддийские. Не зная, когда станет возможным окончание печатания каталога, мы считаем желательным пустить*

Н.Д. Миронов

Оба каталога выполнены с большой тщательностью и по настоящее время не утратили своей научной ценности, оставаясь самыми подробными и выверенными описаниями индийских коллекций Петербурга. Однако в силу незавершенности оба выпуска имеют идентичные недостатки (например, отсутствие содержания, указателей), что крайне затрудняет работу с изданиями. Печать незавершенности лежит и на кратчайших авторских предисловиях (в первом случае это примерно четверть страницы, во втором — чуть более страницы); их скорее можно назвать замечаниями, чем полноценными статьями. Все вышеперечисленное говорит о спешке, в которой проходила публикация каталогов. Свидетельства тому можно найти в письмах Миронова К.Г. Залеману, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Вот выдержки из письма от 7 сентября 1913 г.: «С конца 1912 г. печатание каталога санскритских рукописей Азиатского Музея если не совсем приостановилось, то крайне затянулось: 2-я половина листа 21-го, подписанная к печати в декабре, была отпечатана лишь весной с.г., так как подписанная корректура была Вами утеряна. Также утеряны были и корректуры 22-го листа: вторые оттиски оставались не просмотренными с марта с.г. Ввиду этого мне пришлось приостановить работу по

в научный оборот описание 304 рукописей. Второй выпуск будет содержать описание остальных северно-буддийских и палийских рукописей. Во втором же выпуске будут даны подробные указатели и история собрания. К нему же будут приложены некоторые таблицы снимков с рукописей».

каталогу, так как типография предоставляет для него лишь ограниченное число листов в наборе и избегает печатать следующий лист до отпечатания предыдущего.

Между тем общее число листов каталога едва ли превысит 25: таким образом оказалось, что моя почти 10-летняя работа прерывается на неопределенное время в самом конце. Желая закончить ее, дабы перейти к другим очередным работам, я испытывал глубочайшее сожаление по поводу этих непредвиденных, независящих от меня задержек. Опасаясь, что личный разговор с Вами может повести к недоразумениям, я обращался к С.Ф. Ольденбургу, как соредактору каталога, с просьбами напомнить Вам об этом издании.

В моих поступках я не могу усмотреть жалобы подчиненного на начальника постороннему лицу уже потому, что я считаю себя подчиненным Вам лишь в отношении каталога, а не как служащий Азиатского Музея, каковым я не состоял и не состою. Сейчас, как и 10 лет тому назад, я — вольный работник, исполняющий для Музея определенную работу. Причисление к Министерству Народного Просвещения с откомандированием для занятий в Азиатский Музей — и в Ваших, и в моих глазах — лишь чисто внешняя форма. По этому поводу осмелюсь напомнить Вам, что при причислении Вы указывали, что я прикомандирован к Музею лишь на время составления каталога. Эти соображения вынуждают меня признавать и сейчас все мое поведение в этом деле правильным, я глубоко сожалею, что Вы смотрите на это иначе.

Я полагаю, что Ваши объяснения, приводимые в Вашем письме, меня вполне удовлетворяют; я прошу Вас верить, что у меня нет более горячего желания, как, предав это недоразумение забвению, довести под Вашим руководством до конца работу, которую я всегда считал в высшей степени почетной для меня» (СПбФ АРАН. Ф. 87. Оп. 3. Д. 259. Л. 1–2).

Из этого письма следует, что многолетний труд над каталогом в финальной стадии столкнулся с непредвиденными обстоятельствами, ставшими причиной задержек в ходе публикации и привели к непониманию между администрацией (в лице Залема-на) и исполнителем (Мироновым). Назревавший конфликт удалось разрешить в самых истоках. Сквозит между строк письма и некоторая обида, связанная с непризнанием официального статуса работника, на протяжении 10 лет выполнявшего для Музея сложнейшую работу. Интересная деталь — письмо отпечатано на машинке, поскольку сам автор признавал недостатки собственного почерка: «*Не желая затруднять Вас своим плохим почерком, позволяю себе воспользоваться пишущей машиной*» (Там же. Л. 3)¹⁷. В полной мере это прочувствовала автор статьи, работая в архивах и часами пытаясь «дешифровать» послания Миронова.

Забегая вперед, можно сказать, что титанический труд составления каталогов индийских рукописных коллекций Петербурга не принес Миронову удовлетворения: кроме того что их публикация постоянно задерживалась, против ученого было само время — события, произошедшие в мире и России в 1914–1920 гг., не способствовали научным изысканиям и распространению научных знаний. Отпечатанные каталоги пылились на складах, в период безвременья у заказчика работ — Академии наук — нашлись более важные дела, чем рассылка книг по крупнейшим библиотекам мира. Таким образом, и сами каталоги, и их автор остались практически неизвестными западной научной общественности, с чем пришлось вплотную столкнуться Миронову-эмигранту¹⁸.

¹⁷ Письмо от 7 мая 1914 г.

¹⁸ См. жалобы на это в письмах Миронова В.М. Алексееву (СПбФ АРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 555).

Начав разбирать рукописные собрания, молодой ученый обнаружил некоторые ранее неизвестные науке тексты. Прежде всего стоит упомянуть санскритский оригинал сочинения по буддийской логике «Ньяяправеша» с комментарием Харибхадры, сразу вызвавший большой интерес у специалистов по индийской философии. Текст предполагался к изданию в серии «Bibliotheca Buddhica», но разразившаяся война и позднее — революции помешали этому намерению. Уже в эмиграции, почти через 20 лет, Миронов вновь вернулся к давней идее, опубликовав санскритский текст в журнале «T'oung Pao» в 1931 г.¹⁹ Данным сочинением позднее занимался М.И. Тубянский, также планируя издать его в серии «Bibliotheca Buddhica». В письме Ф.А. Розенбергу Н.Д. Миронов писал о том, что он ознакомился со статьей Тубянского, посвященной «Ньяяправеше», и жаловался на замалчивание его роли в открытии этого памятника: *«Хотелось бы мне иметь оттиски статьи г. Тубянского о “Nyāyapraveśa” [ИАН 1926], каковую я читал; к сожалению, автор придерживается относительно меня обычной и обидной тактики замалчивания. Хотя мое имя и поминается, но очевидный факт — открытие мною санскритского оригинала [...] не указан»* (СПбФ АРАН. Ф. 850. Оп. 3. Д. 84. Л. 3)²⁰. Правом издания памятника в итоге воспользовался его первооткрыватель.

Другим сочинением, с которым познакомился Миронов во время работы над рукописными собраниями, был тибетско-китайско-санскритский словарь буддийских терминов «Махавьютпатти». В 1910–1911 гг. он издал подготовленный И.П. Минаевым текст словаря в серии «Bibliotheca Buddhica», составив указатели²¹. Э. Лейман очень высоко отзывался о работе, сделанной его бывшим студентом: *«Чрезвычайно ценная книга. Работа, выполненная с редкой аккуратностью. Я часто пользовался ею и ни разу не заметил никакой оплошности»* (АВ ИВР РАН. Ф. 40. Оп. 2. Ед.хр. 7. Л. 1)²². Это издание стало образцом для целого ряда буддологических публикаций в Европе и Японии. В 1911 г. Императорская академия наук удостоила Миронова пособием им. М.П. Кожевникова за издание «Махавьютпатти» (ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11250. Л. 9). Научно-исследовательская работа ученого в рамках издательского проекта С.Ф. Ольденбурга «Bibliotheca Buddhica» снискала одобрение ведущих специалистов-буддологов и была настолько успешна, что Н.Д. Миронов получил приглашение академика взять на себя подготовку к печати других изданий серии (Там же).

Интерес Миронова к тохаристике, унаследованный от наставников во время заграничной учебы, лег на благодатную почву бурного расцвета этой филологической дисциплины в первой половине XX в. Являясь фактически первым российским тохароведом, Миронов энергично берется за исследование тохарских рукописей, к тому времени уже в значительном количестве имевшихся в собрании Азиатского музея. В 1909 г. он издает фрагмент двуязычного текста «Дхармапады» на санскрите и тохарском В, найденный экспедицией М.М. Березовского²³. Публикация была сразу замечена Э. Зигом, вступившим с исследователем в переписку²⁴ (позднее была издана рецензия на статью Зига²⁵), и С. Леви, использовавшим выводы из работы Миронова

¹⁹ Nyāyapraveśa. I. Sanskrit Text ed. and reconstructed by N.D. Mironov // T'oung Pao. 1931. Vol. 1–2. P. 1–24.

²⁰ Письмо от 15 июля 1929 г.

²¹ Mahāvūyutpatti, издал И.П. Минаев, 2-е издание с указателем, составил Н.Д. Миронов. Вып. 1–3. СПб., 1911 (Bibliotheca Buddhica. XIII).

²² Письмо Леймана Миронову от 24 мая 1912 г.

²³ Миронов Н.Д. Из рукописных материалов экспедиции М.М. Березовского в Кучу // ИИАН. 1909. С. 547–562.

²⁴ В составе Ф. 40 (Миронова) АВ ИВР РАН имеется несколько писем Э. Зига.

²⁵ О статье Э. Зига и В. Зиглинга «Tocharische, die Sprache der Indoscythen» // ЗВОРАО. 1910. Т. 19. Вып. 2. С. XXII.

при написании своей книги²⁶, что говорит о несомненном таланте начинающего тохароведа. Миронов откликнулся на совместную публикацию Мейе и Леви рецензией на статью последнего²⁷, где он в высшей степени похвально высказывается о тохароведческих работах Леви и его коллеги М.А. Мейе (Meillet), но упрекает работы норвежского исследователя Эмиля Смита (Emil Smith) в недоказанности и излишней поспешности выводов. Позднее Миронов становится одним из лучших знатоков тохарских языков, сделав такие открытия, которые определили развитие науки его времени: в частности, путем тщательного анализа тохарских текстов, он обосновал функцию так называемых «чужих знаков» тохарского письма (Иванов, 2004, с. 381–383).

Тохарские рукописи из коллекции П. Пеллио²⁸ из Парижской Национальной библиотеки вызвали большой интерес у Миронова, и именно для изучения данной коллекции в июне 1914 г. он был откомандирован Российской академией наук в Париж. Однако начавшаяся война смешала планы ученого: уже в августе 1914 г. он вынужден был вернуться в Петербург. В 20-х годах, находясь в Париже в статусе эмигранта, он вернулся к прерванной войной работе, итогом которой стало издание двух статей: в 1927 г. — «Две Центральноазиатские редакции Саддхармапундарика-сутры»²⁹, в 1929 г. — «Индийские заимствования в кучарском языке»³⁰. В первой статье ученый исследовал палеографию фрагментов сутры, собранных К. Отани в ходе трех своих экспедиций в Центральную Азию. Публикация имела продолжение: уже после смерти Н.Д. Миронова, в 1953 г., Н. Датт в серии “Bibliotheca Indica” опубликовал новое издание «Лотосовой сутры», где были использованы результаты данной научной работы Миронова³¹. Одной из последних публикаций рассматриваемой тематики стала его статья 1932 г. — «The Prajñāpāramitāhṛdayasūtra as an Inscription»³².

Вместе с тем Н.Д. Миронов не теряет интереса к специальности по своему диплому — литературе джайнизма. В то время эта область индианистики была очень слабо разработана в Европе и практически неизвестна российской науке, поэтому любое исследование по джайнизму воспринималось как достижение. Деятельность Миронова как составителя каталогов индийских собраний Петербурга питала его научные интересы, поскольку в ходе нее обнаруживались рукописи с неизвестными произведениями. Об одном таком случае уже было упомянуто выше. В собрании И.П. Минаева Миронов обнаружил большую поэму «Шричандракеваличаритра», идентифицировав ее как принадлежащую перу крупнейшего джайнского автора Сиддхарши и предположив, что поэма была переведена им с пракритского оригинала³³. Из рукопи-

²⁶ *Levi S., Meillet A.* Etude des documents tokhariens de la Mission Pelliot par M. Sylvain Levi. Remarques linguistiques par M.A. Meillet. I. Les bilingues. Extrait du Journal Asiatique. P.: Imprimerie Nationale, 1911.

²⁷ Новейшая литература по древним языкам Восточного Туркестана (рец. на три статьи: S. Levi, A. Meillet, Emil Smith) // ЗВОРАО. 1911–1912Т. 21. Вып. 1. С. 107.

²⁸ Поль Пеллио (Paul Pelliot, 1878–1945) — французский китаист, занимался также центральноазиатскими исследованиями. В 1906–1908 гг. возглавил экспедицию в Восточный Туркестан (Кашгар–Куча–Дуньхуан), в ходе которой были собраны значительные рукописные материалы и закуплено порядка 30 тыс. книг, составивших основу библиотеки по изучению Центральной Азии. Рукописи и книги из экспедиции Пеллио были переданы в Национальную библиотеку в Париже, другие артефакты — в Музей Гиме.

²⁹ *Mironov N.D.* Buddhist Miscellanea. 1. Avalokiteśvara, Kuan-yin, 2 Central Asian recensions of the Saddharmapuṇḍarīka // JRAS. 1927. P. 241–279.

³⁰ *Mironov N.D.* Kuchean Studies. I. Indian Loan-words in Kuchean // Rocznik Orientalistyczny. 1929.6(2). P. 89–169.

³¹ *Dutt Nalinaksha.* Saddharmapuṇḍarīkasūtram with H.D. Mironov's Readings from Central Asian Manuscripts. Calcutta: Asiatic Society, 1953 (Bibliotheca Indica, 176. Issue number 1565).

³² *Mironov N.D.* The Prajñāpāramitāhṛdayasūtra as an Inscription // Journal of Urusvati Himalayan Institute of Roerich Museum. Naggar, Kulu. 1932. No. 24. P. 73–78.

³³ *Mironov N.D.* Джинистские заметки, I // ИИАН. 1911. С. 349–354.

си этого же собрания были переведены две джайнские сказки, которые легли в основу другой статьи³⁴. Вторая часть «Джинистских заметок» повествует о двух авторах периода расцвета джайнской литературы в Гуджарате XII в. — Хемачандре и его ученике Девабахдре, приведен разбор их произведений³⁵.

В 1904 г. Н.Д. Мионов становится действительным членом Императорского Русского географического общества (АВ ИВР РАН. Ф. 40. Оп. 3. Ед.хр. 6)³⁶. С 1909 г. Мионов состоит постоянным сотрудником «Нового энциклопедического словаря» (изд. Брокгауз–Ефрон) (ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11250. Л. 9), и в этом качестве пишет большие статьи по Индии, индийской литературе, религии и философии.

На многообещающего ученого обратили внимание в Петроградском университете. В сентябре 1916 г. он был принят приват-доцентом кафедры сравнительного языкознания и санскрита Историко-филологического факультета Императорского Петроградского университета (Там же. Л. 8)³⁷. Так же как в Азиатском музее, в университете Н.Д. Мионов работал вне штата: ученое звание приват-доцента предполагало преподавательскую работу без зачисления в состав штатных сотрудников. Для того чтобы быть зачисленным в число приват-доцентов, кандидату нужно было прочесть две публичные лекции: одну — на выбранную им тему, другую — на тему, предложенную факультетом, с чем ученый успешно справился (Там же. Л. 5)³⁸. 19 ноября приват-доцентом Н.Д. Мионовым была подготовлена первая лекция на тему «Веды и их значение». Курс состоял из следующих занятий: «1) Гимны Ригведы (чтение гимнов по изданию Aufrecht'a с комментариями преимущественно лингвистическими (сравнение форм ведических с формами прежде всего классического санскрита, а также и остальных индо-европейских языков) — два часа в неделю по соглашению со слушателями; 2) Литература Вед (обзор важнейших памятников ведической литературы — Ригведы, Яджурведы, Самаведы, Атхарваведы. Школы и редакции. Брахманы, Араньяки, Упанишады. Сутры. Характеристика литературы Вед со стороны литературно-культурной) — один час в неделю по соглашению со слушателями» (Там же. Л. 14–15)³⁹. Этой программе занятий следовал приват-доцент Мионов в течение непродолжительного времени с конца 1916 по начало 1917 г., пока политические события не вырвали его из привычной академической среды и не привели к службе в организации, о которой он имел очень приблизительное представление. Последней записью в университетском деле Мионова, хранящемся в ЦГИА, стало постановление заседания Историко-филологического факультета от 23 ноября 1918 г.: «Н.Д. Мионова считать выбывшим из числа приват-доцентов университета» (Там же. Л. 17). Таким образом, можно сделать вывод о том, что, вероятно, Мионов весь 1917 учебный год свои должностные обязанности исполнял, что было не так-то просто, учитывая новые обстоятельства, появившиеся после Февральской революции.

Николай Дмитриевич имел государственные награды — медаль в честь 300-летия династии Романовых, а в начале 1917 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству Мионов получил орден Св. Станислава 3-й степени (Архив ИГУ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 93. Л. 3).

³⁴ Мионов Н.Д. Две джайнские сказки // Живая старина. 1912. Т. 21. Вып. 2–4. С. 489–494.

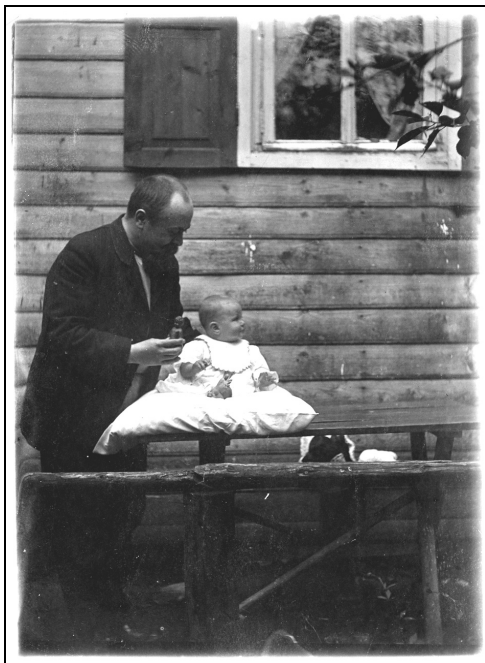
³⁵ Мионов Н.Д. Джинистские заметки, II // ИИАН. 1911. С. 501–508.

³⁶ Членский билет ИРГО.

³⁷ Удостоверение приват-доцента.

³⁸ Ходатайство Управляющему Петроградским учебным округом о зачислении Мионова Н.Д. в число приват-доцентов Историко-филологического факультета университета.

³⁹ Заявление приват-доцента Мионова декану Историко-филологического факультета.

Н.Д. Миронов с дочерью, 1910 г.

Дочь Миронова, Алла, февраль 1912 г.

Несколько слов о личной жизни ученого. В июле 1908 г. в Свято-Троицкой Александро-Невской церкви в Париже состоялось венчание Н.Д. Миронова и Фрейды-Леи Миндлинной (АВ ИВР РАН. Ф. 40. Оп. 3. Ед.хр. 9)⁴⁰. Фрейда-Лея родилась в 1885 г. в г. Екатеринослав (сейчас — Днепропетровск) в мещанской еврейской семье, позже приняла кальвинизм. Каким образом девушка из провинции оказалась в Петербурге, где она познакомилась с Н.Д.Мироновым, неизвестно. У Фрейды-Леи от первого брака имелась дочь Муза (1908 г.р.), которую Николай Дмитриевич удочерил, дав ей свое отчество и фамилию. Через два года после свадьбы, в 1910 г., у супругов родилась дочь Алла. Однако счастливая семейная жизнь длилась недолго: в сентябре 1912 г. девочка умерла от дизентерии, и эта смерть в буквальном смысле развела супругов. В конце сентября 1912 г. начинается бракоразводный процесс Н.Д. Миронова с женой. Так как юридическое оформление развода требовало значительного времени, согласно обоюдной договоренности, супруги стали жить раздельно; старшая дочь Муза осталась с отцом, выплачивавшим матери строго определенное ежемесячное содержание все время, пока шел развод. Фрейда-Лея в том же году уезжает в Париж. В АВ ИВР РАН сохранилось несколько ее писем дочери, наполненных грустью от расставания с ней, надеждами на скорую встречу и безысходной тоской по младшей дочери «Алинке». Как следует из писем Фрейды-Леи, она уехала в Париж с целью «*научиться работать для того, чтобы житьazole*» Музы. Она пишет: «*Я совсем забыла, [как] делать шляпы, и у меня в Питере не было работы; а теперь же я здесь немного поучусь и опять приеду к моей дорогой кошечке...*» (АВ ИВР РАН. Ф. 40. Оп. 2. Ед.хр. 16). Ожиданиям матери не суждено было сбыться, с дочерью они так и не встретились; может быть, тому помешали естественные причины или же их развела война

⁴⁰ Свидетельство о браке.

и последующие грозные события российской истории. Далее следы бывшей супруги Миронова теряются. Муза же оставалась с отцом во время его переездов по стране в первые годы после революции, о чем свидетельствуют документы из Архива ИГУ.

Политическая деятельность занимала существенное место в жизни Н.Д. Миронова; это дало основание исследователям, знакомым с его личностью только с одной стороны, называть его «общественным и политическим деятелем». Еще совсем недавно о данном аспекте его биографии почти ничего не было известно, однако благодаря работам историков контрразведки, таких как А.А. Зданович, А.А. Иванов, появились сведения о той роли, которую сыграл петербургский индолог в период становления этой службы. Стоит отметить, однако, что упомянутые историки с долей пренебрежения относятся к непрофессионалам в своей сфере, каким был Н.Д. Миронов, что проявляется в использовании непроверенных данных, путанице в информации о нем, а также очевидном нежелании уделять его фигуре сколько-нибудь серьезное внимание⁴¹.

Вернувшись в 1903 г. из-за границы после окончания учебы, молодой ученый оказался в стране, стоявшей на грани первой революции. Миронов, всегда интересовавшийся оппозиционным движением, вступил в ряды революционеров и возобновил свои старые университетские знакомства. В 1905 г. через бестужевку Ольгу Барановскую, внучку академика В.П. Васильева, буддолога и санскритолога, он знакомится с А.Ф. Керенским, мужем Барановской. После выхода царского манифеста 17 октября 1905 г., посулившего российскому обществу гражданские свободы и созыв парламента, Миронов, студент Овсянников и брат Ольги, С. Васильев, создают «Организацию вооруженного восстания» для распространения эсеровских материалов с пропагандой идеи вооруженного восстания (Зданович, 2004, с. 88).

В ноябре 1905 г. Н.Д. Миронов издает бюллетень организации под броским названием «Буревестник». Революционная романтика играет в этом порыве не последнюю роль: в среде своих новых знакомых Миронов представился сыном богатого столичного негоцианта, якобы на личные средства издающим бюллетень. «Буревестник» вскоре превратился в один из ведущих печатных органов партии эсеров, однако сам Миронов эсеровским лидером не был, хотя в партии, видимо, состоял. Керенский писал в бюллетень статьи, подписываясь псевдонимом, и по просьбе Миронова хранил тираж издания и революционные листовки на квартире, где проживал вместе с женой. Это стало поводом для первого ареста Керенского: в декабре 1905 г. нагрянувшая в квартиру полиция обнаружила тираж бюллетеня, листовки, а также револьвер, приобретенный для самообороны. «Буревестник» стал одной из первых жертв начавшихся полицейских репрессий — тираж восьмого номера был конфискован и уничтожен. Керенскому было предъявлено обвинение в принадлежности к боевой организации эсеров, он был арестован и помещен в предварительное заключение в Кресты, где находился до 5 апреля 1906 г. (Федюк, 2009, с. 54–57).

Деятельность Миронова как создателя «Организации вооруженного восстания» была не чем иным, как игрой в революционное подполье, поскольку ни у него, ни у членов «Организации» не было ни опыта, ни людей, ни оружия, в подобных обстоятельствах ни о каком восстании в Петербурге не могло быть и речи. По всей видимости, с арестом Керенского в революционной деятельности Н.Д. Миронова наступает временное затишье. Новая страница открывается после Февральской революции 1917 г. и прихода А.Ф. Керенского к власти.

⁴¹ Так, А.А. Зданович называет Н.Д. Миронова «забытой даже историками личностью», а также приводит данные о нем, не соответствующие действительности: якобы Миронов был доцентом Московского университета, в апреле 1917 г. вернулся из эмиграции и сразу обратился к своему давнему приятелю Керенскому с вопросом о трудоустройстве (Зданович, 2004, с. 87–88).

Революция уничтожила органы политического сыска царской власти. Одной из немногих уцелевших силовых структур была служба военной и военно-морской контрразведки. Более того, контрразведка финансировалась так же щедро, как и прежде. Новые власти, испытывая недоверие к старым сотрудникам, пришедшим в службу из жандармерии, пошли на увольнение этих квалифицированных контрразведчиков, опытных и незаменимых в тех условиях специалистов. Для того чтобы заполнить образовавшиеся кадровые «дыры», пришлось привлекать на службу в органы контрразведки бывших гражданских чиновников, по сути случайных людей (Иванов, 2009, с. 49–51).

Видимо, Н.Д. Миронов имел отношение к небольшой группе тех, кто занимался разбором дел петербургского охранного отделения. Они и составили костяк новообразованного Отдела контрразведки министерства юстиции и, по настоянию министра юстиции и фактического начальника этого отдела П.Н. Переверзева, прошли инструктаж по методам тайной работы и особенностям расследования дел по шпионажу. После июльских событий 1917 г.⁴² П.Н. Переверзев лишился всех постов, вместо него, по указанию сверху, начальником Отдела контрразведки стал... Н.Д. Миронов (Зданович, 2004, с. 88–89). По словам Миронова, Отдел контрразведки имел своей целью «борьбу со шпионажем под политическим флагом и контрреволюционными попытками». Что же до необходимости создания такого учреждения, то она мотивировалась тем, что «чины военной контрразведки слишком мало были подготовлены для такой работы, не разбираясь в политических группировках, кроме того, при неопределенности политического положения часто не имели достаточной решительности» (цит. по: Иванов, 2009, с. 60).

Хотя штат контрразведки Минюста состоял всего из восьми человек, деятельность этой организации вызывала бурное негодование. Сотрудники, не имевшие никакого опыта агентурной работы, были заняты тем, что раскрывали мифические монархические заговоры и регулярно выдвигали беспочвенные обвинения в шпионаже против представителей политической оппозиции. Так, в разработке контрразведки Миронова находились дела социал-демократа А.Ф. Аладьина, черносотенцев В.М. Пуришкевича и В.С. Завойко (ординарца и политического советника генерала Л.Г. Корнилова). Кроме того, в связях с германской разведкой были заподозрены член столичного Совета от партии эсеров В.М. Чернов и его однопартиец М.А. Натансон. Демонстративность, с которой предъявлялись подобные огульные обвинения, вызывала еще больший рост недовольства (Там же, с. 60–61).

27 июля 1917 г. Н.Д. Миронов становится начальником контрразведывательного отдела штаба Петроградского военного округа, сменив Б.В. Никитина, отстраненного Керенским от занимаемой должности. При этом заместитель Никитина, М.Н. Лебедев, юрист, работавший в контрразведке с начала мировой войны, руководителем не стал: Керенский предпочел назначить «своего» человека, сосредоточив таким образом в своих руках все органы контрразведки (Зданович, 2004, с. 89–90). Назначение было сделано вполне в духе кадровой политики А.Ф. Керенского, который, после получения портфеля военного и морского министра, стал раздавать государственные посты родственникам и товарищам по партии.

Под руководством Миронова отдел продолжил разработку дела большевиков, по-прежнему остававшихся одним из главных объектов деятельности спецслужб. Агентами были добыты сведения о планах РСДРП(б) провести очередное выступление,

⁴² Июльский кризис — неудачные выступления против Временного правительства 3–5 (17–18) июля 1917 г. в Петрограде, возглавляемые большевиками. Результатом кризиса стал фактический разгон партии РСДРП(б).

о чем было доложено Керенскому; готовилась серия арестов большевистских деятелей (Иванов, 2009, с. 62). Коррективы в эти планы внес Корниловский мятеж⁴³.

Примечательно, что служба контрразведки изображала бурную деятельность по раскрытию несуществующих заговоров, но была совершенно бесполезна там, где действительно требовались профессиональные навыки. Возможно, попытка государственного переворота была бы успешно предотвращена, если бы Мионов придавал большее значение получаемой информации. Из материалов Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию Корниловского мятежа известно, что в конце июля 1917 г. некто Н.М. Палутис лично сообщил Мионову о готовящемся выступлении. Из показаний Палутиса: *«Мионов мне ответил, что политическим сыском не занимается, и указал, что по поводу моего заявления он переговорит с А.Ф. Керенским и Борисом Викторовичем Савинковым. По предложению Мионова я явился к 12 ч. вечера в дом военного министра на Мойку, 67, просидел там до четырех часов утра, но ни Савинковым, ни Мионовым принят не был... Несколькими днями спустя я звонил Мионову по телефону, который сообщил мне, что Савинков по моему доносу ничего сделать и предпринять не может. После этого я неоднократно звонил Мионову, но он меня просил им не надоедать»* (цит. по: Севостьянов, 2003, т. 2, с. 262). Так небрежность руководителя контрразведки спровоцировала начало очередного кризиса Временного правительства. Объяснением тому может служить недостаток оперативного опыта, а также то, что органы контрразведки работали «крайне слабо» и были завалены обилием непроверенной информации, которую не могли профессионально обработать. Согласно материалам Чрезвычайной следственной комиссии, «выступление генерала Корнилова было для Н.Д. Мионова полной неожиданностью и никаких предвестников такового выступления он раньше не имел» (Там же, т. 1, с. 9).

По словам генерала Корнилова, одной из главных причин мятежа были полученные агентурой сведения о подготовке в столице большевистского восстания с целью свержения власти Временного правительства. Таким образом, правительство Керенского могло рассчитывать при его подавлении на поддержку Советов рабочих и солдатских депутатов. В качестве превентивной меры А.Ф. Керенский решил обратиться к контрразведке министа.

Для переговоров с Корниловым в ставку были направлены товарищ (заместитель) военного министра Б.В. Савинков и Н.Д. Мионов, который намеревался произвести обыск и арестовать сторонников Корнилова. Но у генерала были свои осведомители, судя по всему работавшие лучше, чем агенты контрразведки. Когда переговорщики прибыли на место, у Савинкова и Корнилова состоялся разговор следующего содержания:

Савинков: «Александр Федорович поручил мне еще просить вас откомандировать в его распоряжение полковника Пронина».

Корнилов: «Пронина? Зачем? Я понимаю — скрытый арест. Пронина я не отпущу. Дайте мне доказательства, и я сам арестую Пронина».

Савинков: «Хорошо, я так и доложу Александру Федоровичу».

Корнилов: «Так и доложите. Керенский хочет арестовать достойного офицера Пронина, с вами он посылает профессора санскритского языка Мионова... Я знаю, зачем. Мионов занимается политическим розыском. Он приехал сюда следить...»

Савинков: «Мионов приехал со мной. С моего разрешения. Керенский не знал даже, что он едет со мной».

Корнилов: «Все равно. Предупреждаю: я велю текинцам⁴⁴ его расстрелять, если он посмеет здесь арестовать кого-либо».

Савинков: «Он никого не может арестовать без моего приказа. Приехал же он потому, что у него есть поручение от начальника штаба Петроградского округа к начальнику контрразведки в ставке».

Корнилов: «В контрразведке он ничего не понимает. Он занимается политическим сыском» (цит. по: Севостьянов, 2003, т. 1, с. 189).

Таким образом, глава контрразведки Миронов находился в ставке под угрозой расстрела, что исключало для него свободу действий, поэтому он не смог выполнить поставленной перед ним задачи. Корниловский мятеж был успешно подавлен без помощи контрразведки, а сама попытка переворота лишила Временное правительство последних крох доверия населения, которое все больше стало видеть в РСДРП(б) настоящий оплот революции. На следствии по делу Корнилова Керенский поспешил отмежеваться от своего протеже, заявив, что он не только не давал указаний Миرونу производить аресты в Ставке, но даже и не знал о его поездке (Зданович, 2004, с. 90).

Неудача Миронова с делом Корнилова, как и все другие проекты, которые находились в разработке его ведомства, способствовали существенному ослаблению контрразведки и созданию ее образа «карманной» службы Керенского. Когда очередным министром юстиции стал А.А. Демьянов, он счел, что эта служба излишне политизирована и, «не уничтожив ее, впоследствии нельзя было разделаться с запросами парламента по поводу ее существования» (Там же, с. 91). В результате в конце сентября 1917 г. Отдел контрразведки Минюста был упразднен, а его дела были направлены в Главное управление Генштаба (Там же, с. 91–92). Вероятно, уже в октябре 1917 г. Миронов лишился своего последнего поста — главы отделения контрразведки штаба Петроградского военного округа, а меньше чем через месяц правительство пало и к власти пришли Советы. Несмотря на краткосрочность трехмесячной службы при Временном правительстве, Миронов как политическая фигура вошел в историю одного из самых тяжелых периодов в истории страны — периода российской смуты.

Следующая страница биографии Н.Д. Миронова связана с его преподавательской работой в Иркутском университете. После провала карьеры контрразведчика Миронов около года оставался в Петрограде, где пытался вернуться к прежней деятельности ученого и приват-доцента университета. Октябрьский переворот 1917 г. и приход к власти большевиков в корне изменили привычный уклад жизни людей; значительной части из них пришлось искать лучшей доли за пределами страны. Если поначалу Петроградский университет был оплотом противников новой власти, которая, впрочем, имела в своих руках все нити влияния на администрацию образовательного учреждения в виде управления финансами и внесения поправок в положение о самоуправлении, то вскоре стало очевидно, что лояльность вуза лишь вопрос времени. Поэтому принципиальные противники большевиков обратили взоры за границу или в глубь страны, ища тихое пристанище, где можно было бы, не отвлекаясь от научной работы, переждать кровавые события, раздирающие центральные и южные губернии России. Н.Д. Миронов не стал исключением. Летом 1918 г. он уезжает в

⁴⁴ Текинцы — солдаты Текинского конного полка, состоявшего в основном из текинцев Ахала и Мерва и сформированного в Туркестане. Из полка, отличавшегося личной преданностью Л.Г. Корнилову, был выделен отряд для личной охраны генерала.

Иркутск, где к тому времени почти завершились мероприятия по организации университета.

Упорные усилия Университетской комиссии, представленной передовой иркутской общественностью, по открытию в городе университета продолжались с переменным успехом с начала XX в. Появление во Временном правительстве в качестве министра образования академика С.Ф. Ольденбурга, который горячо поддержал иркутский проект, вселило надежду в иркутян. Однако неспособность Временного правительства решать насущные вопросы привела к его падению под натиском Советов. Образованное в мае 1918 г. Демократическое правительство в Омске⁴⁵ поддержало идею иркутян об открытии университета и проделало основную работу по его созданию (Казарин, 2001, с. 4). Положение об Иркутском университете было подписано 13 августа 1918 г., а уже осенью университет стал функционировать. Конечно, город на Ангаре не мог за счет собственных резервов обеспечить свое детище квалифицированными профессорско-преподавательскими кадрами. Преподавателей приглашали, и значительное их число приняло приглашение, променяв ведущие вузы страны на вновь образованный университет в Сибири. Понятно, что политическая ситуация сыграла здесь не последнюю роль. Представители Иркутска еще летом 1917 г. развернули активную деятельность по привлечению в будущий университет преподавателей из образовательных учреждений центральных губерний, а также по сбору средств и литературы. И, вероятно, их усилия не были бы столь успешны, если бы не октябрьские события, послужившие катализатором решения затянувшегося процесса. Так в Иркутске оказались интересные, яркие личности, профессора, приват-доценты лучших университетов страны, которые вложили собственные творческие силы в развитие нового университета в самом начале его истории, но в большинстве своем они задержались в городе ненадолго, поэтому нельзя говорить о формировании устойчивого профессорско-преподавательского состава. По мнению В.Н. Казарина, в Иркутском университете того времени сложилось сообщество людей, глубоко преданных научно-педагогическому труду и желавших передать свои знания студентам. Ученые работали в стесненных условиях, не имея необходимого количества учебников, методической, монографической литературы, специализированных кабинетов и баз практики, что дополнительно способствовало оттоку научных кадров (Казарин, 2008, с. 318).

Н.Д. Миронов оказался среди основателей Иркутского университета. В августе 1918 г. было объявлено о начале набора на историко-филологический факультет, а в сентябре — об открытии при университете восточного отделения. В течение октября–ноября 1918 г. на историко-филологическом факультете были основаны кафедры философии, сравнительного языкознания и санскрита, русской литературы и словесности, русской истории, славянской филологии⁴⁶. С сентября 1918 г. Миронов стал, как тогда говорили, исполнять должность экстраординарного профессора по кафедре сравнительного языкознания и санскрита, хотя министерством народного просвещения Омского правительства был утвержден в этой должности только с авгу-

⁴⁵ Демократическое правительство в Омске (или Временное Сибирское правительство) — одно из трех правительств (в Уфе, Самаре и Омске), возникших в результате демократической контрреволюции (автор термина — историк И.М. Майский). Правительство приняло декларацию о независимости Сибири и осенью 1918 г. передало власть Уфимской Директории (Всероссийскому временному правительству), которая поддержала Колчака. Это объединенное правительство просуществовало до отречения Колчака 4 января 1920 г., после чего большая часть его членов бежали в Харбин и создали так называемое Политическое совещание, претендовавшее на ведущую роль в Белом движении.

⁴⁶ Иркутский государственный университет [Официальный сайт]. URL: <http://isu.ru/ru/about/history/historydiscovery.html> (дата обращения: 26.05.2015).

ста 1919 г. Примечательно, что Н.Д. Миронов параллельно пробовал получить место в старейшем университете Сибири — Томском. Именно в Томске находились в ссылке его прадеды, когда семейное предприятие обанкротилось, и возможно, кто-то из дальних родственников продолжал там жить до тех пор. В начале сентября 1918 г. Миронову в Иркутск пришло письмо из Томска с известием о том, что 31 августа 1918 г. он принят в штат университета на должность экстраординарного профессора по кафедре сравнительного языкознания и санскритского языка и должен выехать на новое место работы (Архив ИГУ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 93. Л. 9). Однако ученый предпочел остаться в Иркутске.

В Архиве Иркутского государственного университета сохранилось дело Н.Д. Миронова под № 93. Из собственноручно заполненного ученым формулярного списка о службе следует, что в Иркутск он приехал вместе с дочерью Музой, которой в 1918 г. было 10 лет (Там же. Л. 5). О том, в каких условиях жили Мироновы в Иркутске, достоверно неизвестно, но обычно прибывшая профессура искала жилье собственными силами; те, кто не мог себе позволить снимать квартиру, размещались в общежитиях за счет университета. Холостым сотрудникам предоставлялось право, по заявлению в межведомственную Комиссию по распределению военнопленных на работы, выписать военнопленного для бытовых услуг. Этим правом воспользовался и Миронов, но по каким-то причинам ему было отказано (Там же. Л. 20–21). Как единственный кормилец малолетней дочери и профессор университета, Миронов имел «двойную бронь» от призыва на военную службу (Там же. Л. 26), что в условиях военного времени гарантировало ему относительную безопасность. Его стремление заниматься «чистой» наукой не угасло, несмотря на Гражданскую войну. В мае 1919 г. Миронов испросил направление в командировку в Забайкалье для обследования буддийских джацанов, которое получил на период с 10 июня по 1 сентября, вместе с открытым листом и удостоверением командировочного, однако «по случаю болезни и домашним обстоятельствам» им не воспользовался (Там же. Л. 13, 15, 19).

Н.Д. Миронов продолжает упорно работать на благо недавно созданного университета. В декабре 1918 г. он в числе других профессоров приступает к разработке плана открытия вечернего отделения. В 1919 г. было создано восточное отделение, в котором учреждены шесть разрядов с шестью кафедрами: китаеведения, японоведения, маньчжуроведения, монголоведения, тюрковедения, индианистики и тибетологии. Предполагалось изучение соответствующих языков и диалектов, а также литературы, географии, этнографии и т.д. Вследствие географического положения Иркутска на передний план выдвинулись китайский и монгольский разряды. В 1919 г. восточное отделение входило в состав историко-филологического факультета. В апреле 1920 г. это отделение вместе с юридическим и историко-филологическим факультетами вошло в гуманитарный факультет и стало именоваться Кабинетом востоковедения. В 1919/20 уч. г. профессором Н.Д. Мироновым были прочитаны курсы «Введение в языкознание» и «Введение в историю индийской культуры»⁴⁷, первый из которых был издан в 1919 г.⁴⁸ С 1 июля 1920 г., когда в Иркутске уже была восстановлена советская власть, Миронов стал заведовать Кабинетом востоковедения (Архив ИГУ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 93. Л. 27), и приказ об этом стал последним документом, подшитым в иркутском деле ученого.

⁴⁷ Иркутский государственный университет. Исторический факультет [Официальный сайт]. URL: <http://hist.isu.ru/ru/about/departments/international/> (дата обращения: 26.05.2015).

⁴⁸ *Миронов Н.Д.* Введение в языковедение: курс, читанный в Иркутском Государственном университете в 1818–1919 гг. / Н.Д. Миронов; Иркут. Гос. ун-т. — Изд. слушателей. [Иркутск], [1919].

Приезжая летом 1918 г. в Иркутск на работу, профессура из центральных губерний надеялась здесь, на задворках Империи, спокойно переждать революционные потрясения, но надеждам не суждено было сбыться — город оказался в эпицентре Гражданской войны. Этот факт вместе с неустроенным бытом, слабой материальной базой университета, где отсутствовала элементарная учебная литература, неудовлетворенностью духовных потребностей, равнодушием властей способствовал тому, что новые преподавательские кадры стали постепенно покидать Иркутск. Смена власти активизировала отток приехавших специалистов: многие профессора не приняли большевизм. Так, летом 1920 г. университет покинули 34 преподавателя, а через год — еще 14 (Казарин, 2001, с. 6), что поставило учебное заведение на грань развала. По всей видимости, среди первых уехавших в 1920 г. был и Н.Д. Миронов; о том, что стало с его малолетней дочерью, достоверных сведений нет. Очень вероятно, что она скончалась летом 1919 г., когда Миронов «по семейным обстоятельствам» не смог воспользоваться полученной командировкой в Забайкалье.

Последний этап жизненного пути Н.Д. Миронова-эмигранта связан с его скитаниями по миру.

Участник совместного проекта International Dunhuang Project Имре Галамбош, исследовавший в Китае и Японии коллекции, привезенные экспедициями графа Отани Кодзуи из оазисов Синьцзяна, неожиданно натолкнулся на следы деятельности Н.Д. Миронова. По данным И. Галамбоша, из Иркутска путь Миронова лежал в Харбин, где он ненадолго задержался, а затем переехал в Шанхай. Там он стал работать с графом Отани; известно, что в 1925 г. Н.Д. Миронов уже руководит проектом перевода буддийской литературы с санскрита на японский язык. Конечно, Миронов не знал японского, во всяком случае, не знал его хорошо⁴⁹, по-видимому, он переводил с санскрита на английский или другой западноевропейский язык. В библиотеке университета Рюоку⁵⁰ хранится факсимиле печатного перевода Мироновым сутры «Wu liang shou jing»⁵¹, сделанного с двух рукописей: одна привезена экспедицией Отани, а другая, более поздняя, подарена премьер-министром Непала. Перевод был сделан по заказу общества «Кодзюкай» в Шанхае, основанного Отани. В той же библиотеке И. Галамбошем найдены два списка, связанные с именем Миронова. Первый — перечень заказанных книг, новых научных изданий, составленный Н.Д. Мироновым, которые требовались для перевода; он датируется апрелем 1926 — мартом 1927 г., а это значит, что тогда Миронов точно еще работал с Отани. Второй — «Список фрагментов рукописей на брахми, принадлежащих графу Отани» (“List of fragments of Brahmi manuscripts belonging to Count OHTANI”), состоящий из 30 единиц среднеазиатских рукописей, предположительно сделан самим Мироновым. Данный список представляет собой значительную ценность, поскольку очень немного известно о том, что было найдено экспедициями Отани в песках Туркестана. Эти фрагменты теперь хранятся в Музее г. Люшунь (Порт-Артур). Хранители Музея рассказали И. Галамбошу, что они были завернуты в листы английских газет, изданных

⁴⁹ Судя по материалам, хранящимся в фонде Миронова в АВ ИВР РАН, Николай Дмитриевич интересовался культурой Японии и самостоятельно учил японский язык, что дает основание считать, что он все же в какой-то степени владел японским.

⁵⁰ Значительная коллекция Отани разделена между двумя музеями в Японии (в Токио и Киото), а также в Китае и Корее, в то время как дневники, фотографии, сделанные в экспедициях, и ботанические коллекции находятся в Университете Рюоку.

⁵¹ «Wu liang shou jing» — китайский перевод с санскрита «Сукхавативьюха сутры» («Сутры о Вечной Жизни [Будды]») (*санскр.* Suktāvāṭvīyūha-sūtra), относящейся к буддизму махаяны и являющейся основной для школы Чистой Земли.

в Шанхае; предполагают, что именно Миронов их упаковывал перед переездом в г. Далянь.

В Шанхае, где было много русских эмигрантов, Н.Д. Миронов встретился (есть вероятность, что они уже были знакомы) с известным русским антропологом и этнографом С.М. Широкогоровым, который находился здесь в вынужденной эмиграции. Общение двух ученых вылилось в совместную статью об этимологии слова «шаман»⁵².

Приблизительно в середине 20-х годов Отани переехал из Шанхая в г. Далянь (Дальний), а затем — в г. Люшунь (Порт-Артур), которые находятся совсем рядом. Н.Д. Миронов сначала последовал за ним, но не позднее конца 1927 г. уехал в Европу.

Отрывочные сведения о дальнейшей судьбе Миронова можно почерпнуть из его писем коллегам. В течение 1928–1931 гг. его корреспондентами были китаист В.М. Алексеев, японист Ф.А. Розенберг⁵³, иранист и курдовед В.Ф. Минорский⁵⁴. При чтении этих писем поражает преданность ученого своему делу вопреки неустойчивости, безденежью — всему тому, что сопровождает каждого эмигранта, приехавшего на чужбину. Наверное, таким бескомпромиссным и верным призванию и должен быть настоящий ученый. Основная часть писем посвящена делам научным: обсуждению и правке собственных статей, обмену мнениями о новых работах коллег — видимо, со своими адресатами Николай Дмитриевич не состоял в близких приятельских отношениях, поэтому не считал нужным (или вежливым, что вероятнее) писать о себе. Лишь изредка в виде замечаний, приписок, а кое-где и намеков попадаются скудные сведения о быте ученого-эмигранта.

На основе отрывочных сведений выстраивается такая картина парижского периода жизни Миронова. Когда у него закончился контракт, по которому он работал у графа Отани, ученый не преминул воспользоваться этим обстоятельством, чтобы покинуть Дальний Восток, где ему, по его словам, было некомфортно жить. В конце 1927 г. он отправился в «командировку» в Европу морем: из Дальнего — в Нью-Йорк, оттуда — в Лондон. В Америке и Англии он провел непродолжительное время в ожидании парохода и смог посетить Royal Asiatic Society и School of Oriental Studies (СПбФ АРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 555. Л. 1)⁵⁵. Из Лондона Миронов перебрался в Париж, где поселился у старого приятеля (имя неизвестно) в довольно стесненных условиях, рассчитывая в скором времени «устроиться более солидно» (Там же). В Париже ученый работает в Национальной библиотеке с рукописями из коллекции П. Пеллио и в Музее Гиме (Musée Guimet), где хранились артефакты, привезенные Пеллио из своей экспедиции. В качестве материала для сравнения Миронов старается получить копии рукописей из Центральной Азии, хранящихся в Азиатском музее. Его письма сотрудникам музея (Алексееву, Розенбергу) наполнены частыми, повторяющимися просьбами прислать фотографии кучарских рукописей (на тохарском Б), «Саддхармапундарика-сутры» из коллекции Петровского (СПбФ АРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 555. Л. 3)⁵⁶. Судя по всему, ни один, ни другой корреспондент не смогли помочь в этой просьбе,

⁵² *Mironov N.D., Shirokogorov S.M. Śramaṇa-Shaman. Etymology of the Word “shaman” // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1924. Vol. 55. P. 105–130.*

⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 820 (Алексеева), Ф. 850 (Розенберга).

⁵⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 134 (Минорского).

⁵⁵ Письмо от 16 апреля 1928 г.

⁵⁶ Ссылаясь на большой объем этой рукописи (и, следовательно, высокую стоимость ее копирования), исследователь просит прислать ему оригинал в Париж, что свидетельствует о том, что практика отправки рукописи исследователю за рубеж еще существовала в первой трети XX в. (письмо от 23 августа 1928 г.).

ссылаясь то на отсутствие у Миронова неких бумаг, то на наличие других исследователей запрашиваемых фрагментов, близких Азиатскому музею (как, например, некий ученик Ф.И. Щербатского). Такое отношение со стороны соотечественников заставляет Миронова думать, что его специально игнорируют: «*Меня же лично Академия игнорирует: там Широкогороду посылаются издания (даже “Soul Theory” Щербатского!), а мне нет*» (СПбФ АРАН. Ф. 850. Оп. 3. Д. 84. Л. 2)⁵⁷; «*Не сочтите за намек, но, право, если бы не Вы это мне писали, я бы подумал, что Азиатский музей не желает предоставлять мне эти материалы. А Леви были даны!*» (СПбФ АРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 555. Л. 3)⁵⁸. Высказанное в письмах подозрение Миронов распространяет и на коллег, с кем он тесно общался в прежней жизни. В письме Розенбергу описан следующий случай: «*С.Ф. Ольденбург здесь с конца мая; я встретил его случайно раза два в Национальной библиотеке; от серьезной беседы со мной, приглашения прийти на квартиру он явно уклоняется по мотивам, о которых нетрудно догадаться. Я, как Вам известно, органически не способен навязываться*» (СПбФ АРАН. Ф. 850. Оп. 3. Д. 84. Л. 3)⁵⁹.

В.М. Алексею Миронов адресует просьбы содействовать рассылке своих каталогов «из подвалов» по библиотекам мира. В итоге каталог рукописей Санкт-Петербургской Публичной библиотеки попал-таки в Национальную библиотеку Парижа, в чем Николай Дмитриевич видит дружескую руку корреспондента (СПбФ АРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 555. Л. 4)⁶⁰.

Находясь в Париже, Николай Дмитриевич внимательно следит за развитием востоковедной науки в России. Он в курсе работ М.И. Тубьянского, Е.Е. Обермиллера, восхищен книгой Ф.И. Щербатского о нирване, признавая его исключительный талант. Однако Миронов порицает молодых коллег за то, что их интересы выходят за рамки классической индологии: «*Я несколько не сомневался в процветании индианистики в России... Остальные, конечно, преуспевают, особенно по части тамильского, тибетского, китайского (я говорю об индианистах). Желаю молодым коллегам... здоровья и некоторого внимания к санскриту. Право, вещь интересная — не хуже яфетидских языков!*» (Там же. Л. 3)⁶¹. Не только индологи привлекают его внимание, в его письмах встречаются высказывания о работах Б.Я. Владимирцова, Д.М. Позднеева, А.А. Фреймана, В.В. Струве.

В Париже Н.Д. Миронов прожил с весны 1928 г. по конец 1929 г. В письмах встречаются упоминания о тяжелой жизни ученого-эмигранта без средств к существованию, вынужденного зарабатывать на кусок хлеба любым трудом: «*Не могу сказать, долго ли я останусь здесь. Жить здесь нелегко... Настолько устаю, что не в силах даже написать... письма, даже переписать давно заготовленных заметок. Понятно, что при таких условиях я не могу написать строчки научных работ, которые мирно покоятся в отрывочных заметках*» (СПбФ АРАН. Ф. 850. Оп. 3. Д. 84. Л. 7)⁶². При всем этом он всегда рад помочь коллеге вычитать статью, дать профессиональный совет индолога во всем, что касается «индийских материй»: «*Я со своей стороны всецело к Вашим услугам и был бы рад, если бы мог оказать Вам содействие в последующих Ваших работах. Может быть, если Вам придется в них касаться*

⁵⁷ Из письма Розенбергу: письмо от 15 июля 1929 г.

⁵⁸ Из письма Алексею: письмо от 23 августа 1928 г.

⁵⁹ Письмо от 15 июля 1929 г.

⁶⁰ Письмо от 15 октября 1928 г.

⁶¹ Письмо от 23 августа 1928 г.

⁶² Письмо от 18 августа 1929 г. Ф.А. Розенбергу.

санскрита и т.н. индийских материй, Вы пошлете мне Ваши замечания в рукописи или хотя бы в корректуре... Я со своей стороны приложу все старания, чтобы эти данные были вполне точны. Если мое имя одиозно, то нет никакой надобности приводить его в предисловии: для меня важна истина, т.е., в данном случае, точность, а не реклама. Может быть, еще важнее искреннее желание быть Вам полезным» (Там же)⁶³.

Уже с начала 1929 г. ученый озабочен поисками работы, хотя бы в какой-то степени соответствующей его интересам; ради этого он готов покинуть Францию и выехать в любое место, где будет востребован. В письме к В.Ф. Минорскому он спрашивает о некоем общем знакомом, преподававшем в Шантиникетане, в университете Р. Тагора⁶⁴, и прямо пишет о преследуемой цели: *«Я думал через него туда (в Шантиникетан. — Е.Т.) обратиться с предложением своих услуг. Здесь мне делать нечего, надо куда-то выбираться»* (АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед.хр. 692. Л. 1)⁶⁵. Вероятно, непростые бытовые условия, а не страх быть достигнутым советскими органами из-за работы на Временное правительство, как предполагалось ранее (Танонова, 2014, с. 188), вынудили Миронова ухватиться за более-менее сносное предложение работы и уехать в Тунис, находившийся тогда под протекторатом Франции, что случилось не позднее января 1930 г. В Тунисе в то время была значительная община русских эмигрантов, и, вероятно, кто-то из знакомых предложил Н.Д. Миронову работу и временное, как казалось, прибежище. С 1930 г. и до самой смерти в 1936 г. Миронов работает в г. Ариана в агрономическом исследовательском центре SBAT (Le Service Botanique et Agronomique de Tunisie) библиотекарем-переводчиком отдела ботаники, его основной обязанностью был перевод научной литературы по профилю центра с английского, немецкого, русского на французский язык.

Из источников по этому, последнему, периоду биографии ученого в нашем распоряжении имеются только четыре его письма В.Ф. Минорскому, который в то время уже жил в Лондоне и вскоре окончательно там обосновался. Поначалу тунисское существование вполне устраивает Н.Д. Миронова: *«Здесь жизнь не так плоха: климат недурной (говорят, бывает жарко, но вряд ли жарче и тяжелее, чем в Шанхае), жизнь значительно дешевле, чем в Париже»* (АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед.хр. 692. Л. 5)⁶⁶. Но тон писем меняется, когда наступают весна и лето: *«Живу я средне — изнываю от жары, которая здесь свирепствует целый месяц. Работа, даже автоматическая, — по казенной надобности — еле движется. Пока не видно, чтобы Европа, Азия и другие части света особенно жаждали меня извлечь из Африки. Приходится сидеть на развалинах Карфагена и не рыпаться. Здесь я все-таки кому-то нужен»* (Там же. Л. 11–12)⁶⁷. Значительные неудобства, связанные с климатом, усугубляющая изматывающая служба. Работать приходилось по семь часов в день, и для занятия наукой возможностей оставалось мало.

Основная часть переписки посвящена обсуждению статьи Миронова о следах древних ариев на Ближнем Востоке. Большая часть работы была сделана еще во

⁶³ Письмо от 18 августа 1929 г. Ф. А. Розенбергу.

⁶⁴ В 1921 г. в местечке Шантиникетан Р. Тагор на средства, полученные в качестве Нобелевской премии, основал международный университет Вишвабхарати, который задумывался как образовательное учреждение, способствующее мировому единению в интернациональной культуре. Так как Тагор полагал, что можно свести воедино все лучшее, что есть в образовательных системах Востока и Запада, то в качестве преподавателей приглашал много иностранцев-европейцев.

⁶⁵ Письмо от 12 марта 1929 г.

⁶⁶ Письмо от 17 февраля 1930 г.

⁶⁷ Письмо от 12 июля 1931 г.

Франции, но только к середине 1931 г. ученый смог придать статье законченный вид, поскольку основные обязанности отнимали все время и силы. Исследование состояло из пяти глав и более чем 50 страниц и получилось разносторонним, так что потребовались консультации и ассириолога, и египтолога. По совету Минорского было решено подать ее для публикации в *Bulletin of the School of Oriental and African Studies (SOAS)*, издаваемом в Кембридже. Миронов беспокоился по поводу большого объема публикации: «*Меньше никак не мог, при всем своем отвращении к многословию; дал лишь самое существенное, исчерпав, по-моему, то, что нам известно по вопросу*» (Там же. Л. 7)⁶⁸. Минорский успокаивал собеседника, уверяя, что «статью оторвут с руками». Наконец статья была отправлена в редколлегию журнала. В последнем письме Минорскому от 1 декабря 1931 г., написанном сразу после получения ответа из Кембриджа, Миронов сообщает о печальной участи статьи. Редакция, продержав рукопись у себя четыре месяца, прислала ее автору обратно и без объяснения каких-либо причин отказала в публикации. Миронов недоумевает о причинах отказа, и ясно, что это стало большим ударом по самолюбию ученого: «*Не принимают статью только в том случае, если она ниже критики, т.е. не соответствует минимуму требований научности. Я не могу, разумеется, быть судьей в собственном деле; может быть, статья действительно ниже критики... Особенно неприятны мне два обстоятельства: 1) редакция продержала мою статью 4 месяца (с середины июля), что составляет чистую потерю, 2) редакция даже не потрудилась соблюсти известные формы, привести если не мотив, то хотя бы предлог (например, большой размер) для отказа. Не приложу ума, что с ней делать дальше. Придется, видимо, стучаться в другие двери; если бы у меня были деньги, я бы напечатал ее за свой счет, но поднять такую махину... мне не под силу*» (Там же. Л. 15–16)⁶⁹. Очевидно, Николай Дмитриевич действительно «постучался в другие двери», потому что статья, о которой идет речь в письме, вышла в 1932–1933 гг. в научном журнале, издававшемся в Чехословакии⁷⁰, и стала последней научной работой ученого.

Скончался Николай Дмитриевич Миронов 23 октября 1936 г. в г. Ле Крам (пригород г. Туниса), в возрасте всего 56 лет, и похоронен в общей могиле в г. Тунисе.

Библиография трудов Н.Д. Миронова⁷¹

1. Die Dharmapariksha des Amitagati” — Ein Beitrag sur Litteratur und Religionsgeschichte des Indisch. Mittelalters. Diss. Strassburg. Lpz., 1903.
2. Из рукописных материалов экспедиции М.М. Березовского в Кучу // ИИАН. 1909. С. 547–562.
3. Джинистские заметки, I–II // ИИАН. 1911. С. 349–354, 501–508.
4. Рецензия на книгу: A Hilka, “Beiträge sur Kenntnis der indischen Namengebung” // Живая старина. 1911. С. 157–162.
5. Devagraamakathaa (к вопросу о брахманах Мада) // ЗВОРАО. 1911. Т. 20. Вып. 2–3. С. 211–230.
6. Dignāga’s Nyāyapraveśa and Haribhadra’s Commentary on it // Jaina-Śāsan. 1911. Extra no. P. 133–138.
7. Mahāvūyutpatti, издал И.П. Минаев, 2-е издание с указателем, составил Н.Д. Миронов. Вып. 1–3. СПб., 1911 (Bibliotheca Buddhica. XIII).

⁶⁸ Письмо от 12 мая 1931 г.

⁶⁹ Письмо от 1 декабря 1931 г.

⁷⁰ *Mironov N.D. Aryan Vestiges in the Near East in the Second Milenary B.C.* // *Archív Orientální.* 1932–1933. 11. С. 140–217.

⁷¹ Библиография Н.Д. Миронова составлена по материалам работы в архивах Е.В. Таноновой.

8. О статье Зига и Зиглинга «Tocharische, die Sprache der Indoscythen» // ЗВОРАО. 1910. Т. 19. Вып. 2. С. XXII.
9. «Новейшая литература по древним языкам Восточного Туркестана» (рец. на ст. S. Levi и Meillet и Emil Smith) // ЗВОРАО. 1911–1912. Т. 21. Вып. 1. С. 107.
10. Две джайнские сказки // Живая старина. 1912. Т. 21. Вып. 2–4. С. 489–494.
11. Рецензия на перевод «Хитопадеши» Орлова М.И. // ЖМНП. 1913. Вып. 44. С. 54–55.
12. Рецензия на книгу бар. А.Ф. Сталь-Гольштейна “Kien-ch’ui-fantsan” etc. // ЗВОРАО. 1914. Т. 22. С. 225.
13. Каталог индийских рукописей. Вып. I. Пг., 1914 (Каталоги Азиатского музея).
14. Рецензия на «Законы Ману» С.Д. Эльмановича // ЖМНП. 1915. Вып. 55. С. 403–409.
15. Каталог индийских рукописей Российской публичной библиотеки. Собрание И.П. Минаева и некоторые другие. Вып. 1. Пг., 1918.
16. Введение в языковедение: курс, читанный в Иркутском государственном университете в 1918–1919 гг. / Н.Д. Миронов; Иркут. Гос. Ун-т. Изд. слушателей. [Иркутск], [1919].
17. Mironov N.D., Shirokogorov S.M. Śramaṇa-Shaman. Etymology of the Word “shaman” // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1924. Vol. 55, P. 105–130.
18. Buddhist Miscellanea. 1. Avalokiteśvara, Kuan-yin, 2 Central Asian recensions of the Saddharmapuṇḍarika // JRAS. 1927. P. 241–279.
19. Kuchean Studies. I. Indian Loan-words in Kuchean // Rocznik Orientalistyczny. 1929. 6 (2). P. 89–169.
20. Nyūyapraveśa. I. Sanskrit Text ed. and Reconstructed by N.D. Mironov // T’oung Pao. 1931. Vol. 1–2. P. 1–24.
21. The Prajñāpāramitāhṛdayasūtra as an Inscription // Journal of Urusvati Himalayan Institute of Roerich Museum. Naggar, Kulu, 1932. No. 24. P. 73–78.
22. Aryan Vestiges in the Near East of the Second Millenary B.C. // Archív Orientální. 1932–1933. 11 P. 140–217.

Список сокращений

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества
 ИАН — Известия Академии наук
 ИГУ — Иркутский государственный университет
 ИИАН — Известия Императорской академии наук
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland

Источники и литература

Источники

- АВ ИВР РАН. Ф. 40 (Миронова Н.Д.); Ф. 134 (Минорского В.Ф.). Оп. 3. Ед.хр. 692 (Письма Миронова Н.Д.).
 Архив ИГУ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 93 (Миронова Н.Д.)
 СПбФ АРАН. Ф. 87 (Залемана К.Г.). Оп. 3. Д. 259 (Письма Миронова Н.Д.); Ф. 820 (Алексеева В.М.). Оп. 3. Д. 555 (Письма Миронова Н.Д.); Ф. 850 (Розенберга Ф.А.). Оп. 3. Д. 84 (Письма Миронова Н.Д.)
 ЦГИА. Ф. 14 (Петроградский университет). Оп. 1. Д. 9857 «Миронов Н.Д. О допущении к экзамену на степень магистра санскритской словесности». Ф. 14. Оп. 1. Д. 11250 «О допущении Н.Д. Миронова к чтению лекций в звании приват-доцента»; Ф. 14. Д. 34956 (Личное дело студента Миронова Н.Д.)

Литература

- Ванновский П.С.* (1907). Доклад П.С. Ванновского о студенческих беспорядках 1899 года. СПб., 1907.
- Вигасин А.А.* (2008). Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.
- Зданович А.А.* (2004). Отечественная контрразведка (1914–1920): организационное строительство. М., 2004.
- Иванов А.А.* (2009). Рожденная революцией. Борьба с агентами врага. М., 2009.
- Иванов Вяч.Вс.* (2004). Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 3: Сравнительное литературоведение. Всемирная литература. Стиховедение. М., 2004.
- Казарин В.Н.* (2001). Гуманитарная университетская профессура Иркутска: ученый и власть на переломе времени: 1918-й — начало 1920-х гг. // «История России» А.П. Шапова и история России: Первые Шаповские чтения. Иркутск, 2001. С. 2–7.
- Казарин В.Н.* (2008). Гуманитарное сообщество Иркутского университета в годы Гражданской войны в Сибири // Христианское начало в культуре России XIX–XX вв. Седьмые Шаповские чтения. Иркутск, 2008. С. 317–345.
- Миронов Н.Д.* (1914). Каталог индийских рукописей. Вып. I. Пг., 1914 (Каталоги Азиатского музея Императорской Академии наук).
- Миронов Н.Д.* (1918). Каталог индийских рукописей Российской публичной библиотеки. Собрание И.П. Минаева и некоторые другие. Вып. 1. Пг., 1918.
- Ольденбург С.Ф.* (1892–1893). Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. (1892), 1893. Т. 7. С. 81–82.
- Островская Е.П.* (2015). Вклад Н.Д. Миронова в изучение буддийской коллекции собрания индийских рукописей Азиатского музея — ИВР РАН // Письменные памятники Востока. М., 2015. № 1 (22). С. 153–168.
- Пасова Т.К., Чижикова К.Л.* (1999). Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М., 1999.
- Севостьянов Г.Н.* (ред.) (2003). Дело генерала Л.Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 — июнь 1918. Сборник документов и материалов. В 2-х т. М., 2003.
- Танонова Е.В.* (2014). Н.Д. Миронов, индолог и контрразведчик // Династия Романовых и Восток. СПб., 2014. С. 179–190.
- Федюк В.П.* (2009). Керенский. М., 2009 (ЖЗЛ).

References

- AV IVR RAN. F. 40 (Mironova N.D.); F. 134 (Minorskogo V.F.). Op. 3. Ed. khr. 692 (Pis'ma Mironova N.D.) [Archive of orientologists of IOM, RAS. Fund 40 (Mironov N.D.); Fund 134 (Minorsky V.F.). Inv. 3. Unit 692 (Letters of Mironov N.D.)].
- Arkhiv IGU. F. 71. Op. 3. D. 93 (Mironova N.D.) [Archive of Irkutsk State University. Fund 71. Inv. 3. Unit 93 (Mironov N.D.)].
- SPbF ARAN. F. 87 (Zalemana K.G.). Op. 3. D. 259 (Pis'ma Mironova N.D.); F. 820 (Aleksseeva V.M.). Op. 3. D. 555 (Pis'ma Mironova N.D.); F. 850 (Rozenberga F.A.). Op. 3. D. 84 (Pis'ma Mironova N.D.) [SPbF ARAN Fund 87 (Zalemana K.G.). Inv. 3. Unit 259 (Letters of Mironov N.D.); Fund 820 (Aleksseev V.M.). Inv. 3. Unit 555 (Letters of Mironov N.D.); Fund 850 (Rozenberg F.A.). Inv. 3. Unit 84 (Letters of Mironov N.D.)].
- TsGIA. F. 14 (Petrogradskii universitet) [TSGIA. Fund 14 (Petrograd University)]. Op. 1. D. 9857 “Mironov N.D. O dopushchenii k ekzameni na stepen' magistra sanskritskoi slovesnosti” [Inv. 1. Unit 9857 “Mironov N.D. On the admission to examination for a master's degree in Sanskrit literature”]; F. 14. Op. 1. D. 11250 “O dopushchenii N.D. Mironova k chteniiu lektsii v zvanii privat-dotsenta” [Fund 14. Inv. 1. Unit 11250 “On the admission of Privat-Docent N.D. Mironov to lecturing”]; F. 14. D. 34956 (Lichnoe delo studenta Mironova N.D.) [Fund 14. Unit 34956 (Personal file of student N.D. Mironov)].

- Vannovskii, P.S. (1907). *Doklad P.S. Vannovskogo o studencheskikh besporiadkakh 1899 goda* [P.S. Vannovsky's report on student unrest at 1899]. St. Petersburg, 1907. (In Russian).
- Vigasin, A.A. (2008). *Izuchenie Indii v Rossii (ocherki i materialy)* [Study of India in Russia (documents and essays)]. Moscow, 2008. (In Russian).
- Zdanovich, A.A. (2004). *Otechestvennaia kontrrazvedka (1914–1920): organizatsionnoe stroitel'stvo* [National counterintelligence service (1914–1920): institutional development]. Moscow, 2004. (In Russian).
- Ivanov, A.A. (2009). *Rozhdennaia revoliutsiei. Bor'ba s agentami vraga* [Born by the revolution. Opposing the enemy agents]. Moscow, 2009. (In Russian).
- Ivanov, Viach.Vs. (2004). *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 3: Sravnitel'noe literaturovedenie. Vsemirnaia literatura. Stikhovedenie* [Selected papers on semiotics and cultural history. Volume 3: Comparative literature. World literature. Verse.]. Moscow, 2004. (In Russian).
- Kazarin, V.N. (2001). Gumanitarnaia universitetskaia professura Irkutsk: uchenyi i vlast' na pereleme vremeni: 1918 i — nachalo 1920kh gg. [Humanitarian university professorate of Irkutsk: the scientist and the authority on the fracture of time: 1918 — beginning of the 1920-ies]. In: *"Istoriia Rossii" A.P. Shchapova i istoriia Rossii: Pervye Shchapovskie chteniia* ["History of Russia" by A.P. Shchapov and Russian history: the First Shchapov scientific conference]. Irkutsk, 2001, 2–7. (In Russian).
- Kazarin, V.N. (2008). Gumanitarnoe soobshchestvo Irkutskogo universiteta v gody Grazhdanskoi voiny v Sibiri [Humanitarian community of Irkutsk University during Civil War in Siberia]. In: *Khristianskoe nachalo v kul'ture Rossii XIX–XX vv. Sed'mye Shchapovskie chteniia* [Christian principles of the Russian culture of the 19–20 cc. Seventh Shchapov scientific conference]. Irkutsk, 2008, 317–345. (In Russian).
- Mironov, N.D. (1914). *Katalog indiiskikh rukopisei*. Vyp. I [Catalogue of Indian manuscripts. Issue 1]. Petrograd, 1914 [Katalogi Aziatskogo muzeia Imperatorskoi Akademii nauk] [Catalogues of Asiatic Museum of the Imperial Academy of Sciences]. (In Russian).
- Mironov, N.D. (1918). *Katalog indiiskikh rukopisei Rossiiskoi publichnoi biblioteki. Sobranie I.P. Minaeva i nekotorye drugie*. Vyp. 1 [Catalogue of Indian manuscripts of Russian Public Library. Collection of I.P. Minaev and some others]. Petrograd, 1918. (In Russian).
- Oldenburg, S.F. (1892–1893). Otryvki kashgarskikh sanskritskikh rukopisei iz sobraniia N.F. Petrovskogo [Excerpts from Kashgar Sanskrit manuscripts from the collection of N.F. Petrovskii]. In: *ZVORAO* [Notes of the Oriental Department of Russian Archaeological Society]. T. 7 (1892), 1893, 81–82. (In Russian).
- Ostrovskaiia, E.P. (2015). Vklad N.D. Mironova v izuchenie buddiiskoi kolleksi sobraniia indiiskikh rukopisei Aziatskogo muzeia — IVR RAN [N.D. Mironov's Contribution to the Description of the Buddhist Manuscripts Kept in Collection Indian at Asiatic Museum — IOM RAS]. In: *Pis'mennye pamiatniki Vostoka* [Written monuments of the Orient]. Moscow, 2015. № 1(22), 153–168. (In Russian).
- Posova, T.K., Chizhikova, K.L. (1999). *Kratkii katalog indiiskikh rukopisei Instituta vostokovedeniia RAN* [Brief catalogue of Indian manuscripts of the Institute of Oriental Studies, RAS]. Moscow, 1999. (In Russian).
- Sevost'ianov, G.N. (red.) (2003). *Delo generala L.G. Kornilova. Materialy Chrezvychainoi komissii po rassledovaniiu dela o byvshem Verkhovnom glavnom komanduiushchem generale L.G. Kornilove i ego souchastnikakh. Avgust 1917 — iun' 1918. Sbornik dokumentov i materialov. V 2kh t.* [General L.G. Kornilov's report. Documents of the Extraordinary commission on the investigation of the former Commander-in-chief General L.G. Kornilov and his accomplices. August 1917 — June 1918. Collection of documents and materials. In 2 vols.]. Moscow, 2003. (In Russian).
- Tanonova, E.V. (2014). N.D. Mironov, indolog i kontrrazvedchik [N.D. Mironov: Indologist and counterspy]. In: *Dinastiia Romanovykh i Vostok* [Romanov House and the East]. St. Petersburg, 2014, 179–190. (In Russian).
- Fediuk, V.P. (2009). Kerenskii [Kerenskii]. Moscow, 2009 (seriia ZhZL [Biography of prominent persons]). (In Russian).

Summary

E.V. Tanonova

Orientalist Nikolai D. Mironov: The Ordinary Life of an Extraordinary Person

The article presents a complete review of little-known facts of the biography of outstanding Indologist Nikolai D. Mironov. Some information, found by the author only recently, is being published for the first time. Nikolai D. Mironov was the first Russian Tocharist and specialist in Jainism. His catalogues of Indian manuscript collections in St. Petersburg have not being excelled to date. As it was recently revealed, Mironov was the Chief of counterintelligence of the Provisional Government. After the October Revolution Mironov was forced to escape Russia, roamed around the world and died in Tunisia at the age of 56 years.